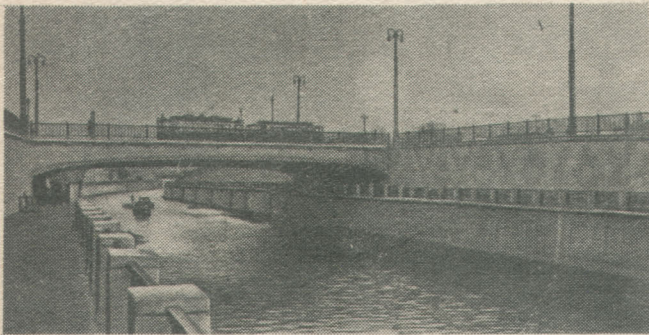

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

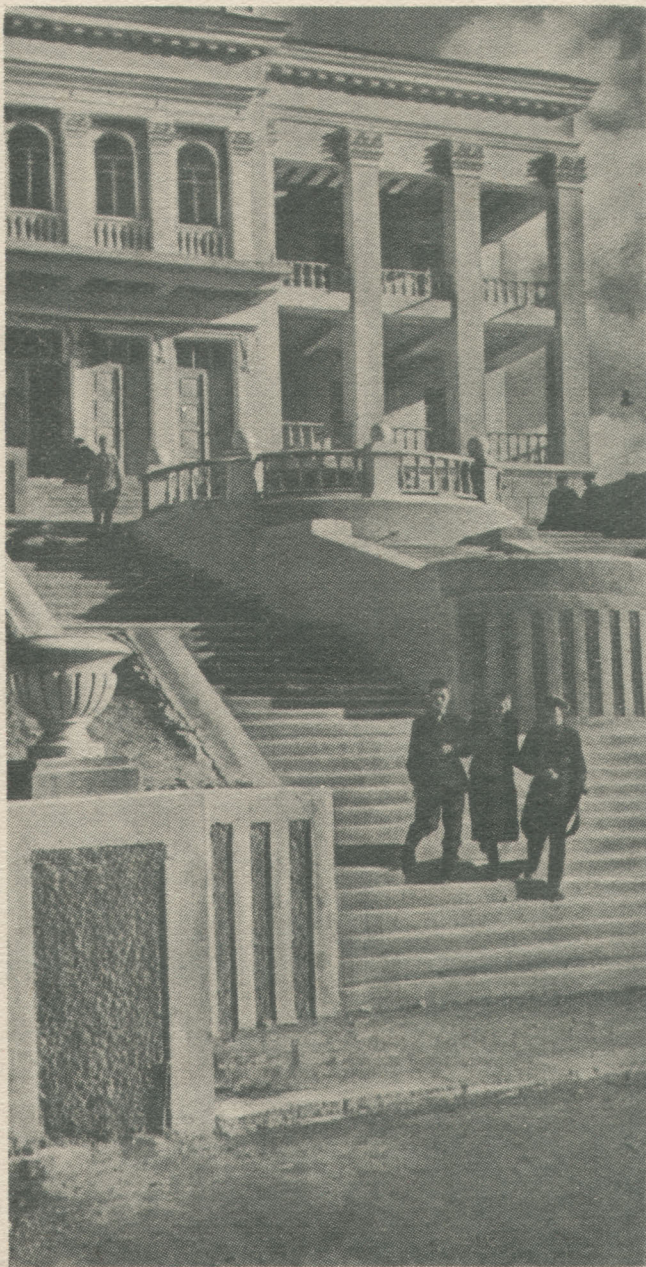
В 1812 году, во время нашествия Наполеона, русские войска, под командованием Кутузова, переходили реку Яузу через Астаховский мост. Сейчас на этом историческом месте сооружен новый одноименный мост, показанный на снимке.

В декабре исполняется 20 лет со дня организации Московского химико-технологического института имени Менделеева. На снимке: один из старейших преподавателей Института, ассистент кафедры общей и неорганической химии Н. М. Покровский, на занятиях со студенткой Н. И. Хрисанфовой.

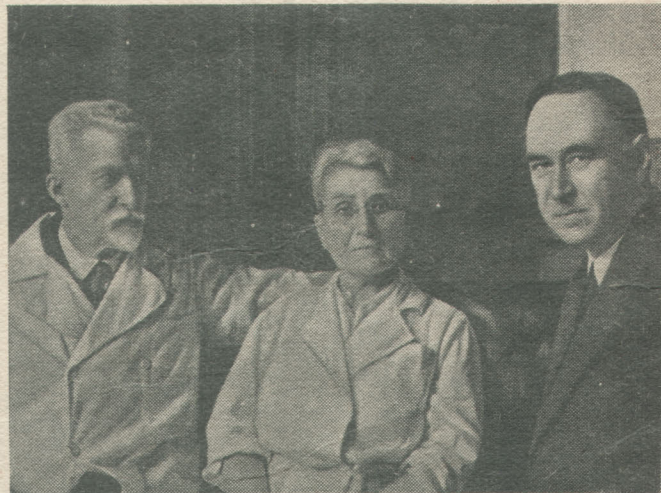
Московский керамико-плиточный завод имени Булгакина изготовил оригинальные, красочные майоликовые плитки для облицовки фасада музея Низами в Баку. На снимке: работники художественного цеха за сборкой орнамента из майоликовых плиток.

В рабочем поселке свинцового рудника Ачисай (Южно-Казахстанская область) выстроен новый клуб. В клубе имеется звуковой кинотеатр на 436 мест.

На предприятиях, в городах и селах Латвийской ССР проходят собрания, посвященные предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. На снимке: предвыборный митинг трудящихся Задвинского района города Риги.

Советская общественность отметила юбилей ученых — профессоров Ленинградского государственного института усовершенствования врачей имени С. М. Кирова. На снимке (слева направо): заслуженный деятель науки профессор Ф. Я. Чистович (45 лет врачебной, научно-педагогической и общественной деятельности), профессор Ц. С. Коган и профессор К. Н. Шапшев (30 лет врачебной, научно-педагогической и общественной деятельности).

Вспашка озимых в колхозе «Анаставац», Вагаршапатского района, Армянской ССР.

На обложке: Курсанты Свердловского пехотного училища на занятиях по физической подготовке. Фото Ник. Соловьева. На последней странице обложки: Кадр из фильма „Яков Свердлов“. В роли Свердлова — заслуженный артист РСФСР орденоносец Л. Любашевский, в роли Зины — артистка И. Федотова.

Стахановец-изобретатель Сталинградского тракторного завода Иван Петрович Иночкин — кандидат на сталинскую премию.

Фото Эм. Браиловского

АЛБАНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Рассказ

С тех пор как Албания стала по некоторым причинам предметом всеобщих разговоров, я неоднократно оказывался в смешном положении. Когда говорят об Албании, я не могу умолчать о том, что летом 1917 года, будучи солдатом австро-венгерской армии, я прожил некоторое время среди страшных албанских гор и распространяющих запахи падали албанских болот.

Узнав об этом, каждый интересуется, что я там видел, что пережил. А когда я начинаю рассказывать, мои слушатели смотрят на меня не то с насмешкой, не то с сожалением, как будто хотят сказать: «Как можно так нагло и к тому же так глупо врать?»

— Когда я там был, — разъясняю я, — северная часть Албании находилась в руках австро-венгерской армии, южная часть — в руках итальянской. Австро-Венгрия и Италия воевали друг с другом. Жители Северной Албании, которых снабжали оружием итальянцы, воевали против нас, а население Южной Албании, вооружаемое нами, сражалось против итальянцев.

Дальше мне обычно не удается развивать свой анализ тогдашней ситуации. Хотя я говорю чистейшую правду и для большей ясности нарочно пропускаю не одно осложняющее побочное обстоятельство, — мне никто не верит.

Может быть, с помощью новеллы мне будет легче объяснить, что значит воевать в Албании.

1

Начальник прифронтового военного госпиталя оберлейтенант Ловаш сообщил нам, что так как итальянские войска отошли, а восточный фланг австрийского фронта упирается уже в греческую границу, то нам нужно тоже перебраться к югу. Он показал нам на военной карте ту точку, где мы должны будем вновь разбить свои палатки, водрузить флаг с красным крестом, указывающий на то, что мы мирные самаритяне, и воздвигнуть передвижную виселицу, говорящую о том, что мы завоеватели. Наше новое местоназначение было расположено на расстоянии 35–40 километров к северо-западу от находившегося в руках итальянцев городка Корчи.

— Как мы туда попадем, господин оберлейтенант? — спросил главный врач Шебек. — Насколько мне известно, в том направлении дороги нет.

— Правильно! Но мулам дороги не нужно. Если разобранные части пушек можно перевозить на мулах, то и госпиталь можно уложить на спины этих добрых ушастых животных. Надо разобрать все на мелкие части, а когда мы туда прибудем, то все собрать снова.

— А как быть с ранеными? — беспокоился главный врач.

— Их надо привязать к мулам. Не скрываю, путь предстоит трудный. Но за то в том месте, куда мы приедем, нас ждут друзья. Южные албанцы — не такие бандиты, как северные, они воюют не против нас, а против итальянцев.

— Вы помните, господин оберлейтенант, того пленного албанца-партизана, который даже у виселицы продолжал утверждать, что албанцы будут воевать против всех до тех пор, пока хоть один вооруженный иностранец будет находиться на албанской земле?

— Чепуха! В Южной Албании нас будут приветствовать как освободителей!

— Будем надеяться!

Спустя два дня мы отправились в путь на 192 мулах.

Еще через шесть дней мы прибыли на место назначения на 124 мулах.

Спокойно и уверенно шагает мул по необычайно узкой тропинке, тянущейся вдоль

края пропасти глубиной в несколько сот метров. Привязанный к его спине, человек пугается, глядя на вздымающуюся с левой стороны крутую отвесную стену гор, вершины которых теряются в тумане, а когда он посмотрит направо, где из глубины ущелья поднимается зловоние, напоминающее запах гнилого яблока и разлагающихся дохлых лошадей, у него начинает кружиться голова. Человек кричит от ужаса, когда с терпящихся в тумане вершин катятся вниз большие глыбы скал или загрохочет выстрел, а мул, низко опустив голову, спокойно шагает вперед. Мул хрипло вскрикивает только, когда сброшенный сверху обломок скалы свертгает его в глубину или когда, застигнутый пулей, он теряет равновесие и делает шаг мимо тропинки.

Звук выстрела из винтовки в горах так же силен, как на ровном месте грохот пушки. Эхо от выстрела раскатывается среди далеких скал, потом воцаряется страшная тишина. Привязанные к мулам солдаты безмолвно гадают: что на этот раз поглотила бездна — несколько мешков с продовольствием, койку или живого человека.

Две ночи мы провели среди скал. Спать нам приходилось сидя. На третий день под вечер мы остановились у красивого, душистого, как весна, озера, с зеленой, как трава, водой.

— Пить из озера или купаться в нем строго воспрещается, — предупредили нас полевые жандармы. — Холера!

Ночь мы провели на берегу озера рядом с батальоном горной артиллерии. Командир артиллеристов — седоволосый венский майор с длинными усами, — пересчитав своих людей, едва не лопался от злости:

— Эти подлецы знают точно, куда стреляют! За четыре дня я потерял девять жерл. Пока мы дойдем до фронта, у нас останутся от пушек одни только колеса.

От злости он приказал повесить без спроса и суда двух албанских рыбаков, которые принесли для продажи две большие корзины серебристой рыбы.

Жаркий день сменился холодной ночью. К рассвету весь лагерь был окутан густыми, сильно пахнущими нефтью испарениями. Было так темно, что только по часам мы могли установить, что солнце уже взошло. Пришлось зажечь факелы.

Мы были готовы двинуться дальше, но артиллеристы все еще не получили никакого приказа.

Седого артиллерийского майора вестовой нашел с перерезанным горлом в находившейся посреди лагеря командирской палатке. Неизвестные злоумышленники нацарапали ножом на лбу мертвеца виселицу.

2

Оберлейтенант Ловаш велел водрузить флаг с красным крестом и воздвигнуть виселицу. Лагерь наш был защищен с трех сторон горами, а с четвертой — озером, зараженным малярией. Горы здесь были такие же крутые, как в Северной Албании, но не такие голые. Склоны гор зеленые, только вершины белые от не стаявшего еще с зимы снега.

Большую часть наших продуктов мы потеряли в дороге. Но албанцы позаботились о том, чтобы мы не голодали. Оберлейтенант Ловаш оказался прав: албанцы приняли нас дружелюбно. Они спустились к нам группами из своих домиков, лепившихся к высоким скалам близ снежных вершин. Это были по большей части седые, но все еще прямые, худые мужчины или дети с невероятно серьезными лицами. Они приносили нам в подарок игрушки из орлиных перьев, блестящие горные кристаллы и цветы, а затем предлагали для обмена масло, брынзу, творог, молоко и яйца. За табак и

ром мы доставали у них большое количество продуктов.

Мы хорошо поужинали. К утру из нашего состава в 87 человек больше 50 солдат оказались больными. Главный врач Шебек думал сначала, что вспыхнула необычайно сильная эпидемия дизентерии, но потом установил, что солдаты отравлены.

— Наши албанские друзья! — воскликнул он, скорее, грустно нежели злобно.

Главный врач не знал того, приотравленного, очевидно, из какого-то местного растения яда, который албанцы применяли в проданные нам продукты, и поэтому он не знал и противоядия. Он делал всяческие эксперименты, но безрезультатно. Около полудня у нас было уже семь смертных случаев. Лица мертвецов были желтые, как лимон, а губы синева-черные.

Оберлейтенант Ловаш отправил к албанцам четырех из оставшихся здоровыми солдат, щедро снабдив их ромом и табаком, а главное, вооружив их до зубов, с приказом: купить, если возможно, тайну, каким образом можно вылечить отравленных солдат.

— Если они не захотят поладить добром, приведите сюда двух — трех из этих мерзавцев — под виселицей у них развяжутся языки.

Четыре солдата оставили лагерь. Обратного не вернулся ни один.

Албанцев мы тоже ждали напрасно. Но рано утром, когда у нас было уже 19 мертвых, в лагерь явилась престарелая, сгорбленная албанка. Вместо юбки она носила шаровары, как турчанки, но ее маленькое темное сморщенное лицо не было закрыто.

— Скажи, голубчик, вашему папе, — обратилась она к постовому солдату на плохом немецком языке, — что с ним хочет говорить старуха Фатьме.

— Что тебе нужно, старая ведьма? — спросил старуху оберлейтенант Ловаш.

— Зачем ты, голубчик, так грубо говоришь со старой бабушкой? Старуха Фатьме хочет помочь вам, а ты называешь ее ведьмой!

Старая албанка предложила за четыре кило табака, два литра рома, кило сахара и 10 серебряных крон такое средство, от которого отравленные солдаты совершенно выздоровеют в течение нескольких часов. Понятно, оберлейтенант принял это предложение с подозрением. Он опасался, что «старая ведьма» принесла не лекарство, а новый яд.

Главный врач, героически боровшийся в течение 24 часов с таинственной болезнью солдат, а теперь заболевший сам, решил испытать лекарство Фатьме на себе самом. Продиктовав коротенькое прощальное письмо своей живущей в Будапеште молодой жене, он взял из рук старой албанки пахнущий говяжьим жиром грязно-желтый шарик и проглотил его. Не прошло и трех часов, как он был совершенно здоров.

— Теперь вы верите старой бабушке, голубчики?

Два раза взвесила она для проверки полученные ею сахар и табак. Десять штук серебряных крон она попробовала один за другим своими черными зубами, не фальшивые ли они. И только убедившись, что все в полном порядке, она вынула из шаровар грязный платок, в который было завернуто около ста штук желтых вонючих шариков.

Закончив сделку, Фатьме сразу же хотела уйти, но оберлейтенант не пустил ее:

— Останешься здесь, пока мои солдаты не будут здоровы.

Старая албанка сначала протестовала, потом умоляла, но в конце концов повиновалась:

— Останусь, голубчики мои, чего же мне не оставаться?

Она села на корточки под виселицей.

Оберлейтенант поставил к ней для охраны меня.

— Откуда ты, голубчик?

— С Карпат.

— Что такое Карпаты?

— Это высокие, очень высокие зеленые горы.

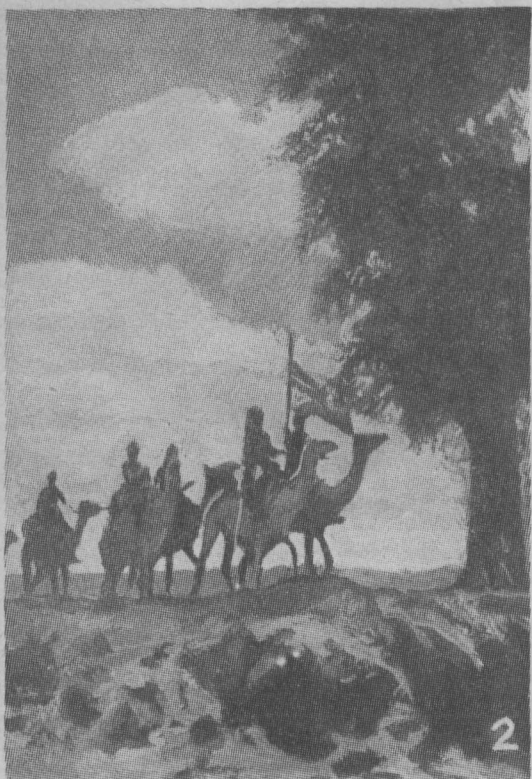
— А ты их любишь?

— Очень люблю, бабушка.

— А что бы ты сделал, если бы на ваши Карпаты пришли злые чужие люди, кото-

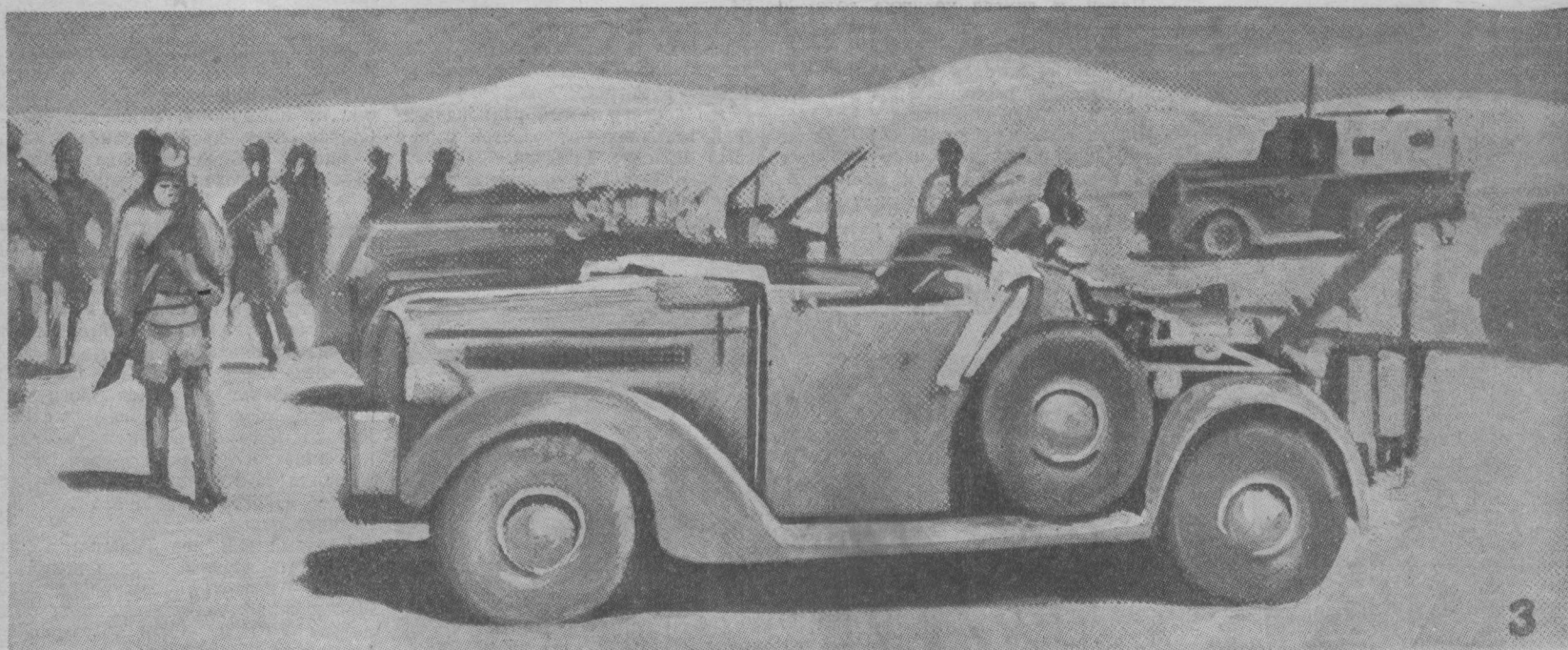
ВОЙНА В АФРИКЕ

Англо-итальянские фронты в Африке отличаются особыми свойствами. Над боевыми операциями довлеет пустыня с ее бескрайними песками, бездорожьем, отсутствием воды. Воюющим сторонам приходится сосредоточивать свои действия вокруг оазисов, создавать специальные, неведомые в Европе виды войск, вроде «верблюжьей кавалерии», строить дороги, рыть колодцы, принаравливать к климатическим условиям. Все это, вместе взятое, предопределяет затяжной характер войны в Африке.

Крупнейшую роль играет построенная несколько лет назад итальянцами автомобильная дорога, идущая вдоль всего побережья Ливии, к границам Туниса и Египта (фото № 1). Эта дорога является главной артерией снабжения и комплектования итальянской экспедиционной армии.

На снимках №№ 2 и 3 показаны: патруль корпуса британской «верблюжьей кавалерии», действующего в Египте, моточасть этого корпуса.

рые убивали бы твоих сыновей и внуков, обещивали твоих девушек, угоняли бы твоих коз, что бы ты, сынок, сделал с ними?

— Разговаривай, бабушка, меньше.

— Молчу, сынок, молчу. Но раз ты назвал бедную старую албанку бабушкой, я все же одно тебе скажу. Уходи отсюда, уходи поскорее домой! Если не поспешишь, никогда больше не увидишь своих зеленых гор!

— Молчи, бабушка, молчи!

— Буду молчать,—ответила она тихо, потом что-то съела и запила большим глотком рома.

— Ну, а теперь я засну,—сказала она.— А когда проснусь, среди албанских гор будут жить свободные албанцы.

Она заснула, скрючившись, склонив голову на колени.

К вечеру все солдаты, которым главный

врач Шебек дал полученное от Фатме лекарство, были мертвы.

Фатме мы тоже будили напрасно. Тело ее застыло, лицо было желто, как лимон, а губы черные.

Ее оставшиеся открытыми остекленные глаза смотрели на нас, как будто с насмешкой.

3

С расположенного поблизости фронта к нам все время прибывали раненные; их доставляли на плотках по озеру. Но ухаживать за ними было некому. Когда главный врач Шебек был убит, функции врача взял на себя санитарный фельдфебель, который был дома парикмахером.

Когда из всего состава госпиталя в живых осталось только 9 человек, прапорщик Чемет, преемник умершего от холеры оберлейтенанта Ловаша, приказал всех нас—раненных и больных—привязать к мулам и

отправить на север, по направлению к Австрии.

Отправились мы на 109 мулах. Через одиннадцать дней мы прибыли в военный порт Каттаро на 47 мулах.

Когда в госпитале у Корчи меня привязали к мулу, мне было 22 года. Когда в Каттаро сестра милосердия сняла меня с мула, она подбодрила меня так:

— Ну, старик, не плачьте! Скоро будете дома, у своих детишек. Смотрите, как красиво!

И она показала рукой на залитое солнечным светом море, на волнах которого качались мощные военные корабли. С моря дул свежий ветер. Но я не мог отделаться от ощущения, что ветер несет запах падали. А вода «вечно голубой» Адриатики казалась черной, как застывшая кровь.

Перевод М. ЗЕЛЬДОВИЧ и А. ШИЯК.

мюш

Очерк Н. Воробья

Фото О. Кнорринга

Бывали ли вы там, где делают плюш? Если нет, пройдемте по Московской шелкоткацкой фабрике имени Шербакова.

...Во всю ширину одного из многочисленных помещений приготовительного цеха вытянулись сдвоенные мо-

гальные машины. Возле них суетятся мотальщицы. Они то и дело перебегают от одного конца машины к другому: следят, чтобы на катушки не наматалось нитей больше чем следует. Одна из мотальщиц начинает перематывать нити обратно.

— Гляди, и другая катушка готова, — замечает бригадир по ремонту оборудования Куренков.

— Попробуй-ка здесь углядеть, — сердито отвечает работница и с досадой рвет запутавшуюся нитку.

Взглянув на пол, усеянный обрывками шолоковых нитей, Куренков молча качает головой, подходит к машине, сменяет катушку и начинает задумчиво наблюдать за ее быстрым вращением...

Но так было. А сейчас уже не так. Сейчас под каждой катушкой прилажено остроумное приспособление — самоостанов. Его придумал Куренков. Мотальщицы работают спокойно. Производительность увеличилась вдвое: вместо 32 веретен они обслуживают по 64.

Коммунист Куренков — один из популярнейших рационализаторов на фабрике. Около 50 его предложений проведено в жизнь.

— Это неисчерпаемый рационализаторский источник, — отзывается о нем главный инженер Талызин.

И верно. Вот Куренков отводит в сторонку помощника мастера, предлагает «обмозговать» новое замысловатое приспособление.

Это человек, изобретающий сам и пробуждающий рационализаторскую мысль у других. Таким и должен быть коммунист на производстве — неутомимым, неуспокаивающимся новатором.

★

В старое время в ворсовом цехе у каждого станка стоял ткач. Женщин не допускали. А теперь здесь что ни ткач — женщина. И обслуживают они не по одному, а по два станка. Станок дает двойную ткань, в две толщины. Вдоль станка скользит нож — «слюзка». Он разрезает ворсовый покров. Получаются две ткани. Ширина каждой — три полотна. На двух станках проходят в одно время по двенадцать полотен плюшевых тканей. Такая производительность труда и не снилась жадным до наживы «Мусси и К^о», бывшим владельцам фабрики.

Успех дался не сразу. Советские люди меняли весь технологический процесс, совершенствовали станки. Крепко потрудились коммунисты-рационализаторы. Как и Куренков, они вложили в технику много выдумки, много страстности, много любви к родине.

Главный инженер Талызин предложил ткать ворсовые ткани в суровом виде — красить не мотки, а ткань. Легче стало ткачу: перестали утомляться глаза. Производительность труда пошла круто вверх. Тот же Талызин со своими товарищами разработал упрощенную заправку ворса — одноуточный закреп. Это увеличило выпуск ткани. Начальник цеха орденосец Лукьянов придумал для ткацкого станка более совершенную конструкцию зевобразующего прибора. Новое достижение: помощники мастеров благодаря этому освободились от кропотливой работы...

Так расчищалась дорога стахановскому движению в цехе, так создались условия для перехода ткачих на два станка.

Заместитель начальника цеха Дорофеева гостеприимно приглашает нас осмотреть продукцию своего цеха.

←
Плюш-шеншеля, фасонный бархат... Опытным глазом осматривает замечательные ткани старший товаровед И. И. Зюзин.

— Нашим стахановцам, — говорит она, — есть что показать.

И правильно. Одна другой лучше плюшевые и бархатные декоративные ткани. Нет, недаром известные театры нашей страны: Центральный театр Красной Армии, Ленинградский академический имени Кирова и многие другие — убраны такими чудесными тканями. А это добротный шерстяной плюш. Его, наверное, многие видели в кабинетах «ЗИС-101».

Ткут в цехе не только декоративные ткани. Вот знаменитый плюш-мех. На него можно заглядеться даже тогда, когда он в суровом виде, не окрашен, окончательно не отделан, — пушистый, густой серебристый мех, как пшурка с невиданного редкого зверя. Эта ткань — на воротник, на пальто.

Еще красивой фасонный плюш. Фон — натуральный шолк. На нем тончайшими ворсинками искусственного шолка с большим вкусом вытканы цветы: васильки, ромашки, сирень. Эта нарядная ткань — на платье.

★

Заглянем в цеха глади, туда, где ткут гладкие шолковые ткани: легчайший маркизет, креп-де-шин, креп-гранат, трикотин-букле. Задержимся у станка.

«Умная» машина! Безустали бегают подгоняемый механическими руками челнок. Ритмично, словно дыша, поднимаются и опускаются ремизы, а с ними бесчисленные нити основы. Вдруг одна из тончайших шолковых нитей обрывается. В ту же минуту станок застывает без движения...

Требовательный народ — большевики! На что уж послушен станок, а им все недовольны! Старший диспетчер фабрики коммунист Филимонов приладил к станку электрощуп. Станок стал еще чувствительнее. Теперь он строго «следит» не только за основой, но и за утком — за нитками на шпуле в челноке. Раньше у станка был металлический щуп, но справлялся с этой задачей он плохо.

Электрощуп решено установить и на ворсовых ткацких станках, изготовляющих плюш.

В углу обширного цеха стоят оригинальные станки. У них окраска не такая, как у остальных, и вид опрятней, и по размеру они меньше.

— Что это — новое оборудование?

— Нет.

— А что же?

...На строго определенном расстоянии от станка установлены стойки. На них вал — ткацкий навой. От него тянутся к станку бесчисленные параллельные нити основы. Считалось, что такая длина основы между наваем и ремизом необходима для ее правильного натяжения, позволяет ткачу, не прекращая работы станка, осматривать ее, чистить...

Поступило предложение: придвинуть к станку эти навойные стойки или, выражаясь языком ткача, перейти на короткую чистку. Предложение показалось заманчивым. При обрыве нити не надо обходить станок, а можно будет «заводить» ее, не сходя с места. Почти на одну треть уменьшается длина станка. А если их сотни? Сколько дополнительной площади!

Для опытного переустройства выделили несколько станков. Но результаты были плачевны. Попав в непривычные условия, ткачихи не смогли выработать даже обычных норм:

— Пускай, кто выдумал, тот и работает.

— Или переделайте все по-старому, — вторил им бригадир Медведев, — или отпустите из бригады.

Заколебался под давлением таких настроений и начальник цеха коммунист Цибулевский...

Не будем описывать бурного заседания партбюро, горячих прений о короткой чистке. Скажем коротко: партийная организация решительно потребовала от коммунистов осуществить ценное предложение. На ноги был поставлен весь коллектив. Решили, что придвинуть стойки — не все. Надо на опытных участках сконцентрировать все лучшее и новое, что знает фабрика, все шелкоткацкое производство. Сконструировали приспособление, которое упростило заправку основы, улучшили тормозные устрой-

ства станка, установили цельнометаллические ремизы и съемные валики, ускоряющие скатку готовой ткани. Даже освещение, по совету коммуниста Гольдмана, сделали более удобным. Одним словом, каждый внес свою лепту. Результат?

— Сейчас, — говорит заместитель начальника цеха Тюрин, — и клещами не вытащишь Медведева из бригады.

Мастер Н. Ф. Жуков за монтажом механической сушилки грежа.

Ткачихи Данилова и Феоктистова стали обслуживать при короткой чистке по десяти станков.

— Но и это не предел, — заявляет Феоктистова, — перейдем и на двенадцать станков.

★

Спустимся в красильный цех. Здесь плюш красят, отжимают на центрофугах, после сушки аппретируют — смазывают особым составом, чтобы закрепить ворс, каракульчат, или под-

стригают на особых машинах, выправляют на ширительных рамах, дают ткани нужный блеск и ширину.

Продолговатое высокое помещение. Почти у самого потолка протянуты рейки. Пышет жаром. Здесь после крашения сушат отжатый на центрофуге плюш. Вот подкатилась тележка. Она доверху наполнена влажными, тяжелыми кусками плюша. С усилием взвалив на плечи один из кусков, работница взбирается на стремянку. Лицо у нее покрылось крупными каплями пота.

— Тут и рук не хватит, — ворчит она, пытаясь расправить на рейке широкую ткань.

Мимо проходит мастер по ремонту оборудования красильного цеха коммунист Жуков. Он останавливается, глядит, как трудится работница, сочувственно вслушивается в ее ворчанье.

— Действительно, — говорит он вполголоса, — рук не хватит. И идет дальше.

На следующий день Жуков снова стоит у сушилки. Морщит лоб. И работницу, думает, жалко и ткань жалко: мнут ее как попало, портят ворс...

Эти мысли преследуют Жукова и на работе и дома. Не раз тянули они его к сушилке, заставляют еще и еще приглядываться, что-то прикидывать в уме...

Это тоже в прошлом. Сейчас в цехе установлена жуковская завесная сушильная машина. Включают рубильник. Подхватываются сшитые один с другим куски ткани, машина в несколько минут ровными рядами развешивает их на рейках. Вот и все. А у работницы на это уходила вся смена.

Много новшеств придумал Жуков.

★

На фабрике около двухсот рационализаторов. В авангарде этого отряда, его борьбы за технический прогресс коммунисты. Они стремятся дать своей родине как можно больше миллионов метров красивых и добротных шолковых тканей.

— Богатеет страна. Почему не украшать, — говорят они, — наши общественные здания, наши жилища, почему не принаряжаться советским людям?

Ткачиха Е. И. Феоктистова одна из первых освоила короткую чистку.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ

(Из воспоминаний)

Мне всегда казалось, что великие поэты отличаются от невеликих тремя особенностями: во-первых, они лучше всех других поэтов, своих современников, отражают эпоху; во-вторых, тема родины и родного народа всегда занимает в их творчестве большое место; в-третьих, у них не только новая тематика, но непременно и новые приемы стихотворного мастерства. «Новизна в поэтическом произведении обязательна», — сказал Маяковский. Важно не только что сказать, но и как сказать. Самые оригинальные, самые плодотворные мысли, самые благородные чувства не сделают еще стихотворение поэтически ценным, если оно не обладает внутренней убедительностью, если не покоряет читателя своим словосочетанием, выразительностью звуковой стороны.

Всем трем условиям удовлетворяли в XVIII веке Ломоносов и Державин, в XIX — Пушкин, Лермонтов, Некрасов.

Великим русским поэтом дореволюционного периода является Александр Блок. У него кровное родство со своими могучими предшественниками. Он всех их любил и, читая, понимал с полуслова. Особенно любил Пушкина и Лермонтова.

Весною 1920 года Георгий Иванович Чулков, всегда удивлявший меня своею предприимчивостью и разносторонней литературной деятельностью, носился с мыслью издать серию избранных стихов лучших русских поэтов.

В каждой книжке, кроме избранных стихов, должны быть две вступительных статьи: одна из них пишется историком литературы и должна давать сведения о жизни и литературной деятельности поэта, а другая статья должна быть написана непременно поэтом. Пусть оценку поэта читатель получит через поэтическое же восприятие.

— Хорошо, если бы вы согласились взять на себя Лермонтова, — сказал мне Г. И. Чулков. — А из поэтов следовало бы пригласить Брюсова — для Пушкина, Блока — для Лермонтова.

Через несколько времени Георгий Иванович напомнил мне о нашем разговоре.

— Наднях в Москву приезжает Блок, — сказал он, — поговорите с ним о Лермонтове.

— Но я незнаком с ним и даже никогда не видел его.

— Тем лучше: познакомитесь.

В воскресенье 9 мая 1920 года состоялось первое публичное выступление Блока в Москве. Я на этом вечере не был, так как все билеты были расхвачены моментально и я не успел достать. Да и не до того было: в этот день, с 7 часов вечера, в Москве, в районе Пресни и улицы Герцена, началась такая страшная канонада, что многие выходили на площади, боясь, что дома от сотрясения будут разрушаться. Но, кажется, дело ограничивалось только окнами. Это взрывались пороховые склады в Хорошеве, в нескольких километрах от площади Восстания.

Не попав на первый литературный вечер Блока, я решил не упустить следующего его выступления и за благовременно взял за 300 рублей

керенками билет на блоковский вечер 16 мая в зале Политехнического музея, но потом неожиданно узнал, что Блок еще раньше выступит во «Дворце искусств».

Этот второй блоковский вечер в Москве состоялся в пятницу 14 мая в том доме на улице Воровского, где теперь помещается Союз писателей, а тогда был «Дворец искусств». На этом вечере я впервые увидел и

невозможно сейчас же возвращаться к той же теме.

Я принужден был согласиться.

В 3 часа дня должно было открыться в здании Московского университета, в круглой зале правления, заседание Общества любителей российской словесности с довольно необычной программой. Оно все было посвящено стихам и только стихам. Тут были и «сонеты солнца, меда и

Александр Блок.

Снимок, относящийся к 1919—1920 годам. Государственный литературный музей, Москва.

услышал Блока. Он поразил меня художественной простотой чтения стихов. Энтузиазм поклонников, а еще более поклонниц был неописуемым. Обстановка для делового разговора о Лермонтове показалась мне неподходящей, и в этот вечер я не искал случая познакомиться с ним лично.

В воскресенье 16 мая, утром, я позвонил Блоку по телефону.

Так как Чулков уже договорился предварительно с одним из издательств, то я, не называя Чулкова, а от имени издательства изложил Блоку по телефону, в чем дело. Мне ответили очень приветливо и любезно приблизительно следующее: «Я с величайшим удовольствием принял бы ваше предложение, потому что люблю Лермонтова. Но, к сожалению, вы запоздали: я уже связал себя с Гребинным, который заказал мне проредактировать Лермонтова».

Это было для меня полнейшей неожиданностью, но я еще не терял надежды.

— Если вы работаете над Лермонтовым, то тем лучше, — сказал я, — вам теперь ничего не будет стоить написать о нем небольшую вступительную статью.

— Но я уже закончил свою работу, — отвечал мне Блок, — и психологически для меня совершенно

невозможно сейчас же возвращаться к той же теме. Я принужден был согласиться. В 3 часа дня должно было открыться в здании Московского университета, в круглой зале правления, заседание Общества любителей российской словесности с довольно необычной программой. Оно все было посвящено стихам и только стихам. Тут были и «сонеты солнца, меда и

луны» Бальмонта и перевод с подлинника трагедии Эсхила «Агамемнон», сделанный Вячеславом Ивановым, и переводы из Низами, сделанные товарищем председателя Общества А. Е. Грузинским.

Может быть, этой программой объясняется то, что сюда привезли Блока. Кто-то из выступавших запоздал, и заседание долго не начиналось. Меня познакомил с поэтом.

Мы уже познакомилась по телефону, — сказал Блок и сам заговорил о Лермонтове, как бы продолжая утренний разговор. Вот что приблизительно он сказал: «Я даю Лермонтова почти всего, но считаю нужным резко разграничивать то, что Лермонтов сам считал достойным печати, от того, что он писал только для себя. Если же делать строгий отбор, как, например, для того издания, о котором вы говорите, то я все же пожертвовал бы некоторыми из хрестоматийных стихов Лермонтова, а непременно взял бы несколько мало известных, например хотя бы незаконченное стихотворение «Слышу ли голос твой». Оно не рифмовано, но стоит многих рифмованных. В книгу лермонтовских стихотворений 1840 года не вошло одно из характернейших лермонтовских стихотворений «Есть речи, значенье...»

Я спросил его, знает ли он статью Фишера о поэтике Лермонтова, поме-

щенную в юбилейном сборнике «Венок Лермонтову». Он отвечал, что не знает этого сборника.

У меня как участника «Венка Лермонтову» был второй экземпляр этой книги. Я сказал, что охотно подарю ему свой дублет. Он поблагодарил.

В этот раз Блок показался мне озабоченным и рассеянным. Говорил тихо и медленно о Лермонтове, а мысли были далеко. Он решительно ничем не был похож на мэтра, ни голосом, ни манерами, ни походкой. Он был высок ростом и хорошо сложен, но в этой монументальной фигуре чувствовалась минутами какая-то детская беспомощность.

Заседание началось. Через четверть часа я оглянулся туда, где сидел Блок, но его уже не было. От его спутницы, которая исчезла также вместе с ним и которая познакомила меня с Блоком, я узнал впоследствии, в чем дело. Вечером он должен был выступать в Политехническом музее, и хотя это было уже третьим выступлением в Москве, он с утра начал волноваться и не мог найти себе места.

Однако на самом вечере в Политехническом музее он вполне овладел собой и читал свои стихи, ни разу не переходя в театральную декламацию, так же просто и проникновенно, ничего резко не подчеркивая, но великолепно владея искусством нюансов, как читал и на вечере во «Дворце искусств».

На следующий день я был у него. Он остановился у своих близких знакомых на Арбате в восьмизатонном доме, самом высоком доме на этой улице. Ход был со двора. Помню, как отперли мне дверь, как вышел он ко мне в переднюю и повел в маленькую комнату, сейчас же направо от входной двери.

Усадив меня, Блок начал просматривать оглавление принесенного мною лермонтовского сборника. Здесь были статьи «Земля и небо в поэзии Лермонтова», «Поэзия одинокой души».

— Как жаль, что я не знал этого раньше, — сказал Блок. — Но я должен признаться, что не только этого сборника до сих пор не видел, но, хорошо зная Лермонтова, я совсем почти не знаю юбилейной лермонтовской литературы 1914 года. Меня когда-то давно отпугнула от литературы о Лермонтове книга Котляревского. Он не понял самого главного, что Лермонтов — поэт. А в 1914 году я весь был поглощен Аполлоном Григорьевым...

Вероятно, из вежливости он стал мою статью «Отзвуки Лермонтова» перелистывать медленнее, чем предыдущие.

Я напомнил Блоку, что в поэме Аполлона Григорьева «Олимпий Радина» есть лермонтовская строчка:

«Грозой оторванный листок».

— И что замечательно, — подхватил Блок, — этот образ одинаково характерен и для того и для другого...

Впоследствии я не раз думал, что у Блока, вероятно, бывали минуты, когда он и себя сознавал таким же одиноким, носимым бурей листком.

Да, конечно, он был близок к Лермонтову, как был близок к Пушкину и ко всем другим великим поэтам.

У Блока не было ни самовлюбленности Бальмонта, ни экзальтированности Белого, ни той четкости и стремительности, какими удивлял Валерий Брюсов. Всего поразительнее в Блоке было то, что в нем не было ничего бросающегося в глаза, ничего сразу поражающего, но скоро вами овладевало обаяние простоты его обращения. Он был прост, как, вероятно, был прост в своих манерах и обращении Пушкин, прост, как все великие люди.

Светлое, легкое здание нового клуба рабочих и служащих Ташкентского текстильного комбината имени Сталина — украшение столицы Узбекистана.

Фото М. Пенсона

И. Дмитриевский

В ГОСТЯХ У «ВОЛЧИЦЫ»

Наша экспедиция закончила работы в пустыне Кызыл-Кум. Все партии собрались к колодцам Алты-Кудук. Нас было двое: я и мой проводник Юзуф. Мы ехали верхами.

Стояла жаркая весна. Наши кони то шагом пробирались через хаос песков и редкие поросли серого саксаула, то рысью вырывались в степи, покрытые ярко-зелеными солянками, серебристой полынью, тюльпанами, ирисами и лилиями.

Перебегая широкое сухое русло потока, кони вынесли нас вскачь на крутые холмы. В этот миг я услышал отчаянный женский крик. Его заглушал рев мужских голосов. И я увидел дикую сцену. Лава всадников-казахов настигает и окружает девушку-казашку, одетую в халат, заправленный в замшевые брюки. Ее волосы растрепаны. Чалый скакун храпит под ней и бросается из стороны в сторону. Она отбивается плетью, сыпля вокруг безумные удары, и вырывается. Но чья-то рука хватается за халат, он рвется, обнажая плечо девушки. Я стреляю в воздух и, не слушая растерянных криков проводника, скачу и вры-

ваюсь в клубок лошадей и людей. Вот передо мной запрокидывается лицо девушки; глаза мутны; она ничего не соображает. Удар тяжелой плети обрушивается на меня. И я падаю, опрокинутый всадниками вместе с конем и оружием. Надо мной проносятся крупы и копыта лошадей, их храп и запах пота, рев и крики людей. Пыль и песок засыпают мне лицо.

Я пытаюсь встать, но от боли в плече и колене у меня темнеет в глазах; я валяюсь на песок и вижу те же холмы и всадников. Неужели мой наскок смутил их? Всадники убегают, быстро оглядываясь, и криками и ударами понукают лошадей. А девушка — нет, это какая-то фурия! — преследует их и хлещет плетью. Кавалькада промелькнула и скрылась за холмом, оставив в воздухе вихрь пыли. Юзуф подъехал, спешился и хотел помочь мне встать. Я взвыл от боли.

— Ай, бой! — сказал Юзуф. — Зачем ты сделал это? Девушку никто не обижал. Это была игра «кыз-беры», что значит — девица-волк.

— Какая игра? Хороша игра! — закричал я на Юзуфа.

— Мне ли не знать обычаев степей и своего народа, — ответил Юзуф. — Эта девушка созвала на досуге молодых пастухов, села на лучшего скакуна, с плетью в руке, и сказала: «Я буду девица-волк. Кто хочет обнимать меня, пусть делает это». И она поскакала в степь к колу, который поставила здесь: ты видишь его? Кто же не захочет обнять девушку? И пастухи поскакали следом. Разве ты не слышал, как они кричали: «Возьмем волчицу живой!»? А она защищалась от них плетью. И шуму было сколько, а девушка была так ловка и привлекательна, что никто не услышал твоего крика и слабого выстрела, тебя не заметили. Ты разве не слышал, как они закричали, когда она доскакала до кола: «Теперь она будет рвать наших баранов!»? И они, как бараны, бежали от девушки, а она стегала их плетью. А если бы они осилили ее, она крикнула бы: «Пустите!» — и люди отошли бы с почтением. Потерпи. Я позову людей: их стойбище за холмами.

Юзуф уехал за помощью. Вскоре послышались голоса: это была девица-волк и несколь-

ко молодых пастухов. Они подняли меня, перенесли на кошме в одну из юрт и уложили на ковер и подушки. Девица-волк скрылась за занавеской, связанной из стеблей чия цветными нитками. Люди, сняв с меня рубашку и разрезав сапог на поврежденной ноге, ушли. Занавеска колышется. Кто это?

Передо мной смуглая девушка-казашка в белом платье, скромного, но модного покроя. В ее руках бинт, марля, йод, гипс и связка стеблей чия. Стоя на коленях и ощупывая мои переломы, она со знанием дела говорит:

— Переломы серьезные, но они станут правильно.

Я не знаю, что ей ответить. Я терялся в догадках: кто она? Я знал, что это не «дикая волчица». Такое превращение невозможно. Это ее сестра, немного старшая возрастом. Она уверенно, как опытный врач, накладывает перевязки и шины на мои переломы. Забыв о боли, я любовался ловкими движениями ее округлых рук и пальцев, со следами маникюра. На ее красивом лице тюрко-монголки незримый отпечаток; его накладывают книги, умственный труд и культура города, пожалуй, столицы.

— Кто вы? — спрашиваю я.

— Меня зовут Саджа. Я сарысуйского рода; работаю зоотехником в стадах наших колхозов и готовлю кандидатскую диссертацию: она связана с режимом пастбищ. Не пугайтесь. Я прекрас-

ДАЧА У ОЗЕРА

Фото А. Бродского

А. М. Горький. Снимок 1914 года.

В канун нового, 1914 года, в заснеженный зимний вечер, к небольшому двухэтажному бревенчатому дому в Кирьявалле, недалеко от озера Ваммельярви, подъехали сани; из саней вышло несколько человек. Они направились к домику. Среди приехавших был А. М. Горький. Он вернулся из Италии, с далекого острова Капри, с берегов вечно голубого Средиземного моря, в холодную и суровую Финляндию. Здесь его ждала большая работа.

26 лет спустя, по той же дороге проходили полки Красной Армии. По протоптанной дорожке бойцы входили в дом. Еще не было стрелок-указателей, не было вывески, но уже было известно, что в этой даче жил и работал любимый писатель.

Отгремели пушки, закончились бои на Карельском перешейке. Решением правительства в Кирьявалле создан Музей-дача А. М. Горького.

но лечу переломы у лошадей и людей.

— А где же девица-волк? За этой занавеской?

— Девица-волк это тоже я, — улыбаясь сказала Саджа. — А за занавеской моя мать, которая принесла мне стелби чия.

— Вы «волчица»? Как это может быть? — спросил я.

— Прежде казашек не учили грамоте, — ответила Саджа. — Теперь все мои сверстницы грамотны, а многие уехали в столицы и окончили вузы. Как будто это стало обычно. Но казахи с таким почтением относятся к учености, что я стала чужой даже среди друзей моего детства. Меня встретили с радостью. Меня называют «наша ученая», «московская Саджа», «аксакал» (мудрый старик). Мне поставили отдельную юрту, вот эту. Чего я только не делала, чтобы разрушить стену почтения, которая не легче чумы! Напрасно. Вчера я услышала разговор друзей моего детства, косячника Керима и джарки Алма-Рюль: я замечаю, что Садже скучно среди нас. Я пробую говорить с ней о том, что ей может быть интересно как ученой, — ничего не выходит, а по-прежнему — тоже не выходит. Керим возразил: «И я пастух, а она ученая. Какая тут дружба! Разве ей пристало участвовать в наших разговорах и развлече-

ниях. Разве могла бы она стать девицей-волком, как прежняя, как ты». Тогда я решила: «Вот выход. Я буду девицей-волком и... берегись Керим!» Сегодня я снова породнилась с моим народом и друзьями детских лет объятиями и ударами плети.

— Так же как и со мной, когда ударили меня плетью! — воскликнул я.

Саджа ахнула, но сказала весело-вызывающе:

— Я казашка. А у казахов — «обнять девушку — узнать плеть». У вас иначе. Но если вы не прочь, я устрою «кыз-беры», когда вы поправитесь. На общем празднике — в память борца за свободу, Амангельды.

— А каково значение игры «кыз-беры»? — спросил я.

— Это древнейшая игра казахов, редкая, устаревшая. Ее связь с древними обычаями утрачена, но моя мать уверяет, что это брачная игра. Кол, поставленный в степи, — это символ семьи — цель стремления каждой девушки. На пути к ней она должна защищаться от всех, стремясь к одному, а тогда она недоступна и свирепа, как волчица, у которой вместо зубов плеть.

— На кого я похож теперь в перевязках! — воскликнул я.

— На Дон-Кихота, вообразившего, что в пустыне, в Совет-

ском Казахстане, могут обидеть девушку. Теперь лежите!

— Керим, — сказала она вошедшему пастуху, — смотри за ним. А ты, Юзиф, — обратилась она к моему проводнику, — отвези отчеты и инструменты твоего хозяина: он останется здесь.

С тех пор я видел Саджу редко. Она разъезжала по стадам, где шел окот овец, и в свободное время готовила к скачкам своего бегунца. Сквозь решетки юрты я видел иногда, как она поила коня молоком кобылиц из кожаного ведра, кормила пшеном с маслом, седлала и скакала в степь. Возвращаясь, она с замашками заправского конюха или тренера, ат-сейса, подолгу масировала круп коня кошмой. Через две недели Саджа выгнала из своего коня вместе с потом весь жир. Теперь конь Саджи резко отличался от прочих лошадей. Даже мне, неказуху, стало ясно, что это — не рабочий «берк» и не джурдек — конь для дальних разездов, — а тонконогий, длиннотелый джуйрук-байгаты для скачек на пятьдесят километров.

В ночь, когда было полнолуние, к нашим юртам подошел большой праздничный караван — все стойбище колхоза: ат-сейсы на своих скакунах, вереницы верблюдов, на которых восседали почтенные женщины в бурну-

сах и белых тюрбанах, с детьми и веселые девушки в праздничных нарядах. Наши собранные юрты закачались на верблюдах.

На рассвете я был разбужен непрерывным топотом и фырканием лошадей и гулом и говором толпы всадников.

Толпа заливала степь вокруг возвышения с флагом, где находились председатели колхозов, совет наездников и гости. Все ожидали объявления места скачек (оно было тайным). Наконец, седобородый председатель крикнул:

— Слушайте! Семилетки скачут к флагу от саксауловой могилы, с севера двадцать пять километров. Выводите лошадей. Помните, сохраняйте их силы для скачек. Толпа отхлынула в стороны, очистив обширное место, которое заняла фаланга из пятисот великоколенных скакунов. Контролеры с шестами в руках ускакали на север.

— Поезжайте, — сказал председатель, махнув флагом.

Крики наездников и погонщиков смешались с пожеланиями толпы. Земля дрогнула под ударами двух тысяч копий. Волна скакунов с гулом побежала в степь, и вскоре пыль, поднятая ими, улеглась за горизонтом. Тогда толпа обратилась к югу, и туда пустили сто третьегодок с подстриженными гривками. Они убежали быстрым табуном. До прихода лошадей к флагу толпа рассеивается по степи, где начинаются различные игры.

Но вдруг раздается возглас: «Скачут трехлетки!» Все заспешили к флагу. Жеребчики и кобылки табуном приближаются с юга. Лишь несколько рьяных бегунцов вырвалось далеко вперед. Тренеры узнают их издали, ловко берут на арканы и проводят к флагу, где раздают призы. Здесь больше веселья и смеха чем возбуждения. И вскоре толпа опять чернеет по степи, образуя обширные пятна игрищ. Однако всех томит одна мысль. Вот старый тренер, наблюдая горячий бой перепелов, вдруг говорит с напускным равнодушием:

— Кони скачут, как скачут!

Саджа подкакивает ему, но видно, что и она волнуется. Многие люди отходят подальше в степь и ложатся, прижав ухо к земле. Они слушают. Они слышали бег скакунов за несколько километров. И вот из степи донесся крик, от которого дрогнули все сердца:

— Кильятыр джуйрук-байгаты — скачут бегунцы!

В один миг прекратились игры и потоки людей устремились к флагу. Нетерпеливые вскакивали на коней и мчались на север. В толпе нарастало возбуждение и говор. С севера подул ветер. Он подхватил где-то далеко тучку пыли и поднял ее в небо дымно-желтым столбом. Из клубов пыли вырвались головы, гривы, груди и копыта одного, двух, трех скакунов — и вот весь поток лошадей с гулом и шумом катится к флагу. Началась суета. Лошадей осаживают. Снимают с седла подrostков, обессиленных восторгом скачки, и поят их кумысом. Лошадей растирают кошмами. Ат-сейсы подводят победителей к флагу. В воздух протягиваются руки, мелькают призы: шоловые халаты, патефоны, часы, уздечки и седла с серебряными насечками. Шумно приветствуют Саджу: ее конь пришел третьим. Я поздравляю девушку — ат-сейса. — Теперь я еще больше «своя», — серьезно отвечает Саджа.

РАЗВЕДЧИК

Приехав домой на побывку, младший лейтенант Василий Михайлович Южаков пошел в промартель «Организатор». Ему очень обрадовались:

— Когда, товарищ председатель, обратно на работу?

— Как повоевал, Южаков?

Вопросы сыпались со всех сторон: сильны ли были финские укрепления, крепко ли била их артиллерия, так ли уж много мин всюду понатыкали отступавшие финны? Южаков отвечал не торопясь, обстоятельно, давал пощупать шрам от засевшей над сердцем финской пули и сам расспрашивал о делах организованной им артели.

Сидя на низеньком табурете в теплой мастерской, он с удовольствием вдыхал крепкий запах кож, физически ощущая радость мирного труда.

Потом Южаков пошел в райисполком. Тут его встретил земляк, управляющий Рослятинским райлесхозом.

— Товарища Южакова поздравляю с высшей правительственной наградой! — закричал он еще с порога.

— Чего? — переспросил Южаков.

— Сегодня по радио слышал: награжден Героем Советского Союза.

— Я? — удивился младший лейтенант. — Да за что?

Южаков ошарашено подумал: уже не подшучивают ли над ним? Однако поздравляют и в райкоме и знакомые — на улицах. Вернувшись домой, Южаков ничего не сказал жене. Он рано лег спать, но заснуть не мог и, ворочаясь с боку на бок, все раздумывал: что же такое особенное он сделал?

Вскоре в колхоз имени Буденного пришло письмо. Командир полка писал:

«Добрый день, уважаемый наш боевой товарищ, Герой Советского Союза Василий Михайлович!

Поздравляем Вас с высшей правительственной наградой — присвоением звания Героя Советского Союза, награждением орденом Ленина и медалью «Золотая звезда». Ваши героические боевые подвиги в борьбе с белофиннами навечно останутся в памяти всего личного состава нашего краснознаменного полка. Мы всегда помним о героических подвигах Вашей разведки, о Вашем мужестве, смелости и героизме. Мы приводим, как пример, Ваши боевые действия в нашей боевой и политической подготовке бойцов...»

И Южакову вспомнилось, как, замерзший до костей, возвращался он с разведки в дымную землянку полковника и тот, выслушав его доклад и распорядившись о выдаче установленной порции водки, тут же укладывал его спать на своей койке. Но выпастись не приходилось: снова надо было пробираться в тыл противника.

С детства привыкший к снегу и лесу, младший командир Василий Южаков чувствовал себя в финских трущобах лучше других. Он легче переносил свирепые морозы, часами просиживал в снегу, подкарауливая неприятеля, ночью, в пургу ни разу не сбился с пути, пробираясь из глубокого вражеского тыла и всегда вовремя доставляя сведения, которых с нетерпением ожидало командование. Слава о разведчике Южакове прогремела по всей дивизии.

То вместе с одиннадцатью бойцами он в течение суток, когда от мороза трещат сосны, обороняет сопку, сдерживая яростные атаки лыжного батальона егерей; то через террито-

рию противника проведет обоз в окрестности и сидящую без продуктов часть; то, свалившись как снег на голову, 10 километров гонит со свои-

м хутором стоял горький запах пожара: финны сжигали все на пути своего отступления. Сплошного фронта здесь не было. Борьба вспыхивала

Герой Советского Союза младший лейтенант Василий Михайлович Южаков.

Фото С. Лоскутова

ми разведчиками финскую заставу, ловко обходя минированные участки; то, проскакав по обстреливаемой дороге, доставит срочное донесение и так же вернется обратно: целехонький и невредимый. Он поспевал везде и везде был первым.

Южаков быстро изучил местность в округе всей дивизии. Он знал каждую ложбинку и чуть ли не каждое дерево в лесу. И поэтому ночью и днем, по льду озера или по лесу новыми, самим финнам неизвестными тропками или проторенными дорогами Южаков всегда пробирался туда, куда не могли проникнуть другие, и вел разведку то для одного, то для другого батальона.

— Куда ни пошлешь его, всюду проникнет, всюду достигнет. Неутомимый разведчик! — говорил о нем командир полка.

Однажды, когда наши части продвинулись уже на 90 километров по неприятельской территории, Южаков получил приказание произвести очередную разведку. Было 9 часов вечера. В темноте печально ревели голубые, несъеденные коровы, брошенные своими хозяевами. Над быв-

— Второе отделение, вперед, вдоль дороги! Привлечь на себя огонь противника. Первое отделение, за мной! Общая атака по моему сигналу.

Командир второго отделения Белозерцов, взяв два ручных пулемета, быстро пополз вперед. Вскоре на дороге завязался бой. А в это время Южаков вместе с бойцами первого отделения обходил противника с тыла. Без лыж, утопая по грудь в снегу, целый километр пробирался Южаков. И несмотря на мороз пар валит от бойцов.

Впереди раздалось несколько взрывов: финны пустили в ход миномет.

«А вдруг не продержатся ребята до моего подхода? — подумал Южаков. — Нет, не может быть, чтобы финны носили с собой много мин». И он еще быстрее заработал ногами и локтями, пробивая дорогу в снегу.

Все ближе выстрелы. Вот уже мелькают среди деревьев фигуры в белых халатах. Сколько их? Взвод? Рота? Вот виден и окоп, в котором стоит станковый пулемет.

Южаков подползает к командиру первого отделения Красикову и, глубоко зарывшись в снег от поющих над головою пуль отделения Белозерцева, шепчет:

— Подам команду — вскакивайте и кричите громче.

Бойцы снова ползут. Уже не более 25 метров отделяет их от финнов.

И тут среди наступившей на мгновение тишины раздается звонкий голос Южакова:

— Гранатами, огонь!

Один за другим раздаются несколько взрывов. Южаков, пробираясь к финскому окопу, видит бегущее на подмогу отделение Белозерцева. Финны, встав на лыжи, отходят в сторону. Отовсюду гремят частые выстрелы и слышны крики.

До окопа совсем немного, метров семь. И там офицер в белом халате. Он замешкался, пытаясь унести миномет. Южаков бросился на него с пистолетом:

— Руки вверх!

Финн оборачивается, начинает поднимать руки, но затем хватается левой рукой Южакова за горло, а правой вытаскивает нож. Мгновение решает, кто из двух погибнет.

Но даже и в это мгновение Южаков успевает подумать, что убивать офицера «неинтересно», а гораздо лучше захватить его в плен. И он ударяет его рукояткой по виску. Финн падает, и сейчас же пулеметная очередь щелкает вокруг: станковый пулемет бьет по Южакову. У ног его лежит вооруженный враг, впереди, в каких-нибудь 30 метрах, — пулемет противника, который угрожает всем. Южаков достает гранату и, пока финн тянется за браунингом, швыряет ее в пулеметчиков. Пулемет умолкает, и Южаков хватается за шиворот.

— Не колоты, товарищи! — кричит командир, обезоруживая врага. — Вытащите его на дорогу.

В коротком бою финны потеряли четырех человек, не считая раненых. У Южакова только пулеметчик Ногаев ранен в руку.

Таких боев Южаков провел столько, что ни сам он, ни его начальники не могут в точности сказать, сколько же их было.

— Боевой разведчик! — сказал о нем командир корпуса.

Недавно Герой Советского Союза младший лейтенант Южаков приехал в Москву. Ему предстоит сложная операция: пуля, полученная в бою, который длился без перерыва трое суток, сидит слишком близко к сердцу, и вынуть ее будет нелегко. А когда пулю вытащат, Южаков пойдет в пехотное училище.

Он решил стать кадровым командиром.

КОЛХОЗНАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

Фотоочерк А. Шишкина

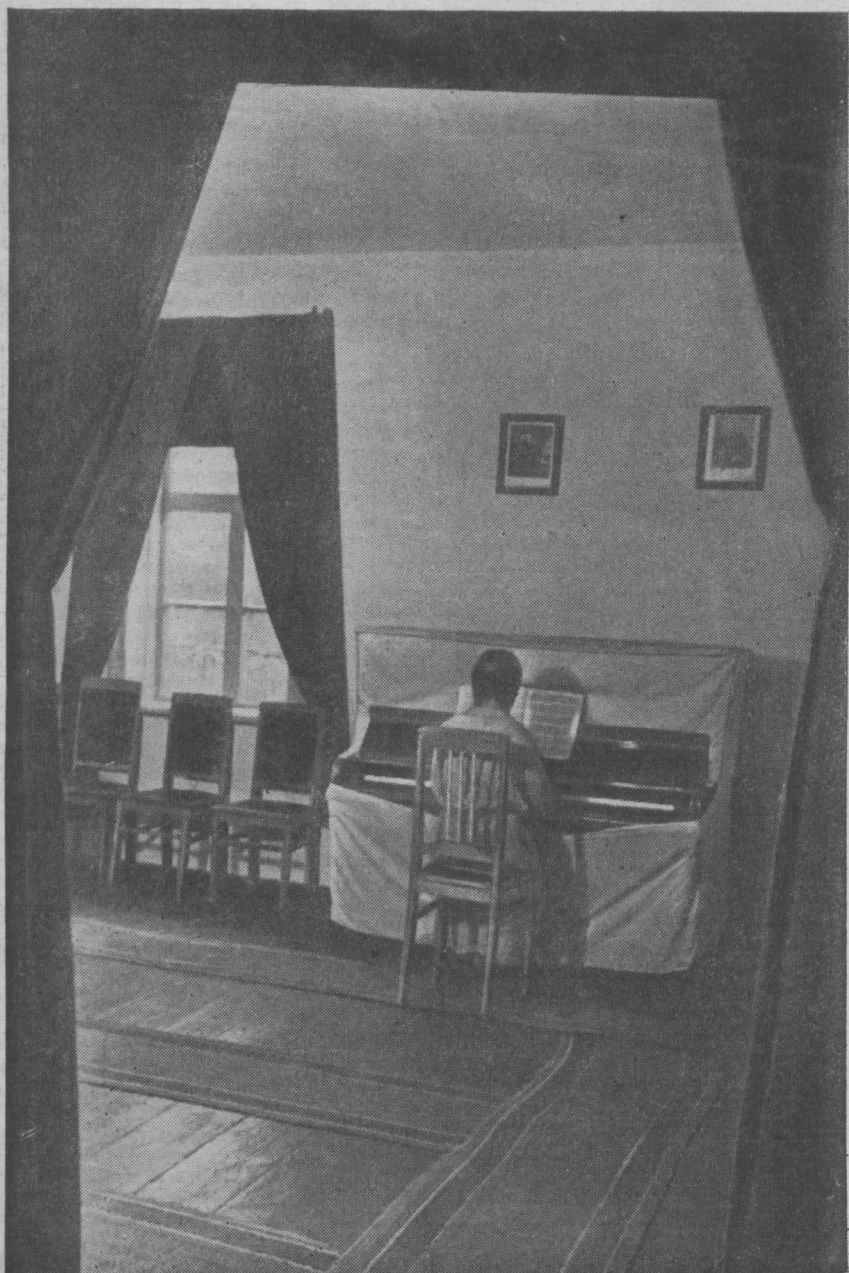

↑

В сентябре прошлого года в орденосном колхозе имени Сталина (Киевская область) открылась первая в Советском Союзе колхозная музыкально-вокальная студия. Сто восемьдесят человек, дети колхозников и колхозники, учатся в своей консерватории по классам скрипки, фортепиано, баяна, пения, духовых и народных инструментов. На отделении взрослых срок обучения установлен в три года, на детском отделении — в семь лет. Перед учащимися студии открывается широкий путь к совершенствованию и развитию своего дарования.

←

Здесь занимаются по классу фортепиано. Просторная комната, чистая, светлая, устланная дорожками половиков. Сюда приходят учащиеся готовиться уроки. Студия приобрела пять фортепиано.

↑

Много времени уделяет студия изучению музыкальной грамоты и теории музыки. Занятиями руководит преподаватель Я. С. Циглер.

→

Директор студии и руководитель класса фортепиано И. Урбанович занимается с молодым колхозником Владимиром Маскис. Владимир Маскис приехал учиться в студию из расположенного неподалеку колхоза имени Кирова. Для приезжих колхозников при студии есть общежитие и столовая.

Демобилизованный красноармеец участник боев с белофиннами А. Н. Хоменко — уроженец Винницкой области. Хоменко прочитал в газете об открытии студии в колхозе имени Сталина. Он решил переехать на постоянное жительство в колхоз. Сейчас он работает слесарем и без отрыва от производства обучается по классу баяна у преподавателя А. А. Исаева.

←

За успехи в учебе класс скрипки (преподаватель — М. Садовский) завоевал переходящее красное знамя. Тщательно готовит уроки дочь ездового, ученица студии по классу скрипки Вера Гунько. Первые ее слушатели — мать, брат Боря и сестренка Валя.

→

↑ В дни праздников иногда вечерами музыкально-вокальная студия устраивает концерты. На одном из концертов выступил самый молодой ученик студии, шестилетний Витя Урбанович. Ему аккомпанировала ученица Нина Попович. Внимательно слушали колхозники игру Вити, умело исполнившего украинскую народную песню.

Ис. Бацер

ИЗ КАМЧАТСКОЙ ТЕТРАДИ

ЛОВЕЦКОЕ

Туча небо закрывает,
Рябью тронута вода,
Ветер западный крепчает
И волнуется невода.
Бригадир спокойным взглядом
Посмотрел по сторонам
И сказал стоящим рядом
Загорелым рыбакам:
— До пяти часов вполне мы
Сможем быть на неводах,
Рыбы дать должны стране мы
И работать не за страх!
В море волны закипали,
Штормовой сигнал не гас,
Десять раз мы прогоняли
Переборочный кунгас.
Из ловушек выливали
Серебристую кету,
Взгляды быстрые бросали
В штормовую темноту.
Бригадир, тревогу спрятав,
Папиросу закурил
И сказал: — Шабаш, ребята! —
Краболов на запад плыл...
У далекой у Камчатки
Неспокойная вода.
Обогнули мыс Лопатки
Промысловые суда.
Голубые тучи плыли,
Солнце стало потухать,
Пароходы уходили
В этот вечер штормовать!
Нынче ночью по приливу
Или после теплых снегов

Рыбаки неторопливо
В море выедут на лов.
У далекой у Камчатки
Рыболовная страда.
Огибают мыс Лопатки
Промысловые суда!

—О—

Я при начале не был:
Начало сложилось давно,
Но это суровое небо
Над флотом Беринга цвело.
И часто путем непогоды
Приходят сюда корабли,
Сюда, где холодные воды
И берег далекой земли!
Им ветер с Курильских

не страшен:
Высокие мачты крепки,
Спокойно работают наши
Советские моряки!
Им близок пример Лалеруза,
Беринга великий пример,
И движутся транспорты

с грузом
К далеким портам СССР!
В тумане лежит

Петропавловск,
В приморском тумане густом.
Звезда на востоке упала
И сгинула за бортом...
Но вот она снова светит
Колючим огнем маяка,
И взрослые люди, как дети,
Пошаливают слегка...

Николай Асанов

ДРУЗЬЯМ

Будь счастлив, друг,
поставивший шалаш,
В котором скрылись мы от непогоды.
Дрожали травы, и темнели воды,
И молнии взрывались в небосводе,
Ножи дождя путь отрезали наш,
И узок был земли пустынный круг.
Будь счастлив ты,
мой неизвестный друг.
Будь счастлив, друг,
что строил этот дом.
Рукою мастера, живой и жесткой,
Ты скрыл кирпич под блещущей известкой,
Потом, дымя крученой папироской,
Тепло и свет привел своим трудом.
Я принимаю щедроту услуг,
Будь счастлив ты, мой неизвестный друг.
Будь счастлив, друг, на грубом полотне
Изобразивший в красках наше небо,
Плененных вод тяжелый дымный гребень,
И поле, полное тепла и хлеба,
И девушку, идущую ко мне.
Я мастерство твоих прославлю рук,
Будь счастлив ты,
мой неизвестный друг.
И счастлив я, мой отдавая труд
Друзьям, и дальним
и идущим рядом.
Пусть он поможет встретить смех,
и радость,
И слезы даже, если это надо, —
В боях тяжелых крепости берут.
Мы разрываем мира тесный круг
В одном ряду,
мой неизвестный друг.

Проект будущего городка ВИЭМ.

Доцент Д. Гродзенский

ЦИТАДЕЛЬ НАУКИ

1890 год. Немногочисленный тогда научный мир России был крайне взволнован: стало известно, что в С.-Петербурге, на Аптекарском острове, издавна служащем прибежищем для медицинских учреждений, открывается первый в стране институт, специально предназначенный для ведения в нем научно-исследовательской работы в области медицины.

Ему дали название «Институт экспериментальной медицины», а в уставе написали, что Институт основывается «для всестороннего изучения причин болезней, главным образом, заразного характера, а равно и для практического применения способов борьбы с заболеваниями».

Так мало было в то время возможностей для исследовательской работы, даже для ученых, чей авторитет был общепризнан, что открытие Института, естественно, возбудило массу ожиданий.

Создание Института настоятельно диктовалось самой жизнью, необходимостью как-то потушить эпидемии, бушевавшие тогда во всех концах России.

Девяностые годы прошлого столетия были периодом, когда только что возникшая наука — бактериология — открывала один за другим возбудителей заразных болезней. Гениальные открытия Пастера становятся широко известными. К Пастеру из С.-Петер-

бурга посылают врачей учиться лечить бешенство. В 1886 году при ветеринарном лазарете гвардейского кавалерийского полка основывается первая в России пастеровская станция. Во Франции в это время стал завоевывать мировую славу Пастеровский институт, в Германии, наподобие французского, открывается Гигиенический институт, где знаменитый Роберт Кох, открывший туберкулезную палочку, настойчиво ищет средство борьбы со страшным бичом человечества — туберкулезом.

Институт экспериментальной медицины на первых же порах своего существования привлёк плеяду блестящих ученых. Среди них находим великого физиолога И. П. Павлова; С. Н. Виноградского, крупнейшего микробиолога, открывшего пути обогащения почвы азотом и тем положившего начало современным представлениям о круговороте азота в природе; М. Ненцкого, химика, бактериолога, разностороннего ученого, с одинаковым успехом занимавшегося поисками лучшего дезинфекционного средства, строением кровяного пигмента, химическими свойствами бактерий, борьбой с холерой, чумой рогатого скота и т. д.

Эти корифеи науки золотыми буквами вписали свои имена в историю Института.

Широкие невиданные перспективы перед Институтом открыла Октябрьская революция.

В 1919 г., тяжелый год гражданской войны, по указанию В. И. Ленина были созданы все необходимые условия не только для сохранения Института, но и для успешного продолжения его работ под руководством И. П. Павлова в области физиологии высшей нервной деятельности.

Исторической датой в истории Ин-

ститута и советской науки является день 7 октября 1932 года, когда по инициативе А. М. Горького и на его квартире состоялась встреча группы ученых-медиков с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и К. Е. Ворошиловым.

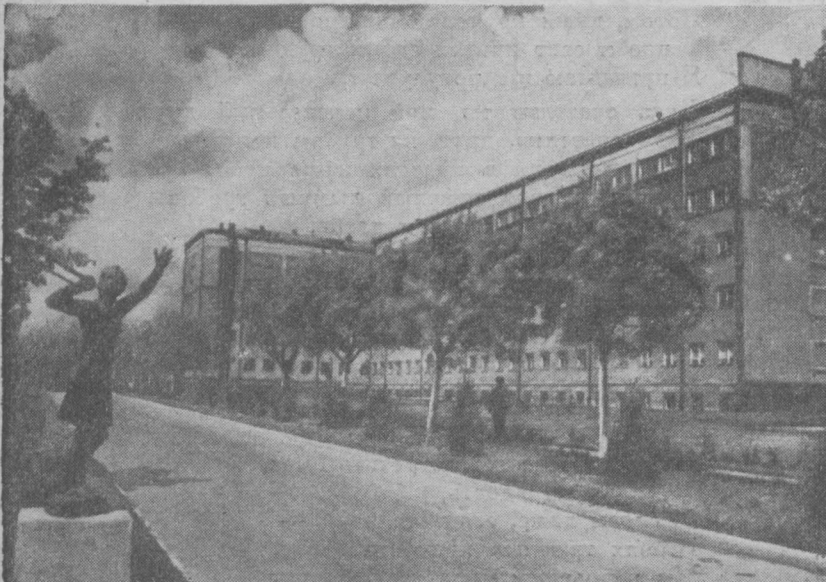
Здесь в подробной беседе ученые получили от товарища Сталина и его соратников указания о дальнейшем направлении их работы на благо трудящихся.

Институт с этого момента начал быстро расти. Новые кадры привлекаются для работы в его все умножающихся лабораториях и отделах. Начинается большое строительство. Организуются филиалы в Ленинграде на базе старого Института экспериментальной медицины и в Сухуми на базе обезьяньего питомника.

Самые смелые дерзания ученых встречают щедро материальную поддержку. Советское правительство не только материально, но и идейно помогает Институту направить центр тяжести своих исследований на борьбу за здоровье граждан социалистического отечества.

Изо дня в день, открывая для науки еще не известные факты, заглядывая глубже в тайники природы, используя всю сумму современных знаний, сотни научных сотрудников трудятся в лабораториях и клиниках Института. Нет, пожалуй, ни одной области медицины, которая не получила бы развития в результате трудов Института.

Продолжая славные традиции Пастера, Роберта Коха, Ненцкого, Виноградского, Институт интенсивно продолжает свои исследования по борьбе с заразными болезнями. Блестящими работами группы ученых во главе с академиком орденоносцем Е. Н. Павловским в короткий срок выяснена причина грозного, часто смертельного заболевания, поражающего людей, осваивавших дальневосточную тайгу, так называемого энцефалита. Зараза, как оказалось, таилась в маленьком клеще. Укусы этого клеща страшны теперь людям, привитым вакциной, изготовленной Институтом.

В этом здании находится Всесоюзный институт экспериментальной медицины имени А. М. Горького в Москве.

Упорно и настойчиво ищет проф. О. О. Гартох со своими учениками средств борьбы с кровавым поносом—дизентерией. Изучается поведение микробов, вызывающих это заболевание, изыскиваются пути повышения защитных способностей человека против его действия, в клинике пробуют новые, лучшие приемы лечения.

Академик Е. Н. Павловский.

Профессор А. А. Смородинцев.

Академик А. Д. Сперанский.

Заслуженный деятель науки профессор И. П. Разенков.

Профессор Н. И. Грашенков, член-корреспондент Академии наук СССР, директор ВИЭМ.

В лаборатории профессора З. В. Ермольевой получают в наиболее чистом виде вещество, эффективно действующее на микробы и очищающее раны,—лизозим.

Там добываются все новые формы пожирателя микробов—бактериофага, действующего против возбудителей детских поносов, холеры и других заболеваний.

К борьбе против дифтерии, скарлатины, бруцеллеза, туляремии и других заразных заболеваний привлечено внимание Института. Уже найдены приемы распознавания бруцеллеза—заболевания, поражающего и людей и сельскохозяйственных животных. Ликвидируются очаги туляремии.

Если наука в настоящее время сильно вооружена против заразных болезней, то против рака и других злокачественных опухолей она еще зачастую бессильна. В отделах и клиниках ВИЭМ ищут причины воз-

никновения рака, способы его раннего распознавания, исследуют изменения, наступающие в организме при возникновении рака.

Широкую известность и практическую проверку в боевых условиях получили достижения хирургической клиники ВИЭМ. Профессора А. В. и А. А. Вишневские, отец и сын, разра-

Заслуженный деятель науки, член-корреспондент Академии наук СССР профессор Б. И. Лаврентьев.

ботали и применили на деле свои оригинальные приемы лечения ран и других хирургических заболеваний.

Многие тысячи жизней были спасены благодаря их таланту и уменью.

Горячие споры среди медицинского мира вызвала разработанная акад. А. Д. Сперанским общая теория разветвления в организме болезненного процесса. Путем ряда экспериментов акад. А. Д. Сперанский и его ученики собрали ценные доказательства того, что нервная система определяет

Профессор О. О. Гартох. Ленинградский филиал ВИЭМ.

направление болезненного процесса; воздействуя на нервную систему, можно ускорить процесс излечения.

Движение медицины вперед в настоящее время не мыслимо без применения самых тонких физических и химических методов исследования.

Изготовление витаминов, синтез новых лекарственных веществ, использование свойств атомного ядра, тончайших химических методов, сложнейшей аппаратуры для записи электрического тока, возникающего при деятельности мозга, нерва,—все это находит применение в работах Института.

Всесоюзный институт экспериментальной медицины имени А. М. Горького вступает во второе пятидесятилетие. На XVII съезде партии тов. Молотов сказал о ВИЭМ: «...Такого института нет за границей. В создании его в СССР нельзя не видеть нового отношения и к человеку и к науке в стране, где строится социализм».

А. М. Горький в филиале ВИЭМ в Сухуми. 1929 год.

Евгений Федоров Песниноголовый Христорожденьев

Рис. худ. Н. Малолеткова

1

Профессор Розен, сопровождавший известного путешественника Гумбольдта в его странствованиях по Уралу, побывав в обширных владениях горнозаводчика Прокофьева, был очарован незабываемыми красотами диких горных уголков. Ученый почел за необходимое записать в дневнике свое восхищение этими прелестными местами.

«Завод господина Прокофьева богат и обширен,— писал он,— производство ведут приписные крестьяне. Наиболее очарователен пруд — украшение сего поместья. Он огромен и имеет десять живописных островов. Плотина обложена гранитом и огорожена чугунными решетками, вставленными в гранитные столбы. Отсель открывается изумительный вид на черноватые еловые леса, кои покрывают береговые возвышенности и придают виду строгий, серьезный характер, свойственный ландшафтам Севера, но, тем не менее, имеют весьма много привлекательного. Ландшафт сей напомнил мне подобные же в Швеции, виденные в прежние годы.

Сам господин Прокофьев толст, бородат, а глаза плутовские. Однако ж с нами он отменно вежлив. И, что примечательно, за ним все время по пятам следует пес. Волкодав сей громаден, сер и премоного злобен. Видать, добрый пес! Глаза у него человечески, и он, безусловно, предан своему хозяину. Кличут пса — Ратай...»

На другой день профессора постигло горькое разочарование. Первое утреннее пробуждение его в хоромах гостеприимного хозяина произошло от грубых окриков и невыносимого воя, оглашавшего двор. В одних исподних, в ночном колпаке профессор выглянул в окно и ужаснулся. Посреди пустынного двора, обнесенного высоким частоколом, топтался малорослый грузный хозяин. Заложив руки за спину, шурясь от яркого утреннего солнца, он покрикивал:

— Ату! Рви хлеще!..

Вдоль частокола бежал нагой худой мужик с выпученными от ужаса глазами и выл от боли. Злой волкодав Ратай настигал бегущего и рвал икры. Лохматый кат¹ с сыромютной плетью бежал рядом с истязаемым и, когда тот останавливался, жгучими ударами похлестывал его...

Профессор зажмурил глаза и с омерзением отошел от окна.

В эту пору в горницу вошла синаяглазая прислужница. Гость не утерпел и спросил ее:

— Поведайте, любезная, сколь велико преступление сего разбойника, ежели его так мучительно истязают?

Молодка вспыхнула, потупила глаза:

— Эх, барин, да это вовсе и не разбойник, а жигарь². Хозяин поже-

лал испоганить его девку, а она не далась. Вот его и пытаются за то...

Она замаялась и покосилась на темную дубовую дверь:

— Только вы, барин, об этом никому...

Профессор разбудил Гумбольдта и рассказал ему о виденном. Оба немедленно засобирались в дорогу. Господина Розена больше не радовали восхитительные виды: перо валилось из рук. Может быть, по этой причине и дневник остался недописанным.

Путешественник Гумбольдт мрачно молчал. Плотню сжав губы, он сухо откланялся хозяину, и гости уехали.

Заводчик прищурил глаза и усмехнулся вслед:

— Ишь ты! До чего жили тонкие, ровно скрипичная струна. Не выдержали суровости нашей жизни. Эге!

В душе заводчика отъезд ученых гостей вызвал облегчение.

«Немчишки — соглядатаи, — опасливо подумал он про себя. — Насмотрятся тут и сбrehнут что не к месту на людях. Ладно удумали, минн герры. Уехали — покатились, скаatteredь дорогах!»

На радостях хозяин наказал истопить баню.

Четыре молодки под вечер сволокли хозяина в мыльно, разоблачили его и усадили в дубовое корыто, напленное приятной, теплой водой. Девки старательно терли и намывали тучное тело хозяина. Бедняжки вспотели от усердия. Довольный заводчик плескался в воде и кряхтел.

После омовения он вышел в предбанник и жадно выдул ведечный жбан холодного квасу. От его багрового, распаренного тела клубами валил пар. Прислужницы завернули утомленного хозяина в простыни и уложили на лавку. Настал час самозабвенного отдыха...

В щели предбанника золотились последние лучи заходящего солнца. Мимо раскрытой двери мелькали низко летающие стрижи.

«Экая благодать! — сладостно думал хозяин. — Будет ведро, и, хвала богу, согладатаев сбьл...»

В эту минуту блаженного покоя в предбанник свалился заводский приказчик — широкоплечий нелюдимый кержак. Он сопел, топтался у порога как неуклюжий медведь. Кержак многозначительно поглядел на хозяина и на дверь мыльни.

В бане, на полке, в густом пару, хлестались вениками крепкотелые молодки.

— Закрой! — показал хозяин на дверь в баню. — Ну, докладывайся, пошто приволокся? Аль случилось что?

Приказчик закрыл дверь, скинул шапку.

— Беда, господин! — хрипло выдал он.

Хозяин сбросил простыни, вскочил. Глаза его зажглись недобрым огнем:

— Ну!

Из-под густых бровей приказчика сверкнули нелюдские глаза. Он за-

сопел, разгладил бороду и сказал угрюмо:

— Трех пымал, а четвертый угребся, жильный бес, и челобитную на тебя, хозяин, уволок!

— Девки, облачать! — заревел заводчик, и глаза его налились злобой. — Я им покажу челобитье! Я им...

Он задыхался от ярости. Девки миглом облачили его. Красный, распаренный хозяин выскочил за порог бани и заорал на весь заводский двор:

— Плеть! Ратай сюда!

На его зычный зов с высокого крыльца сорвались и бросились навстречу дядька-кат и серый волкодав Ратай...

2

Рассвирепел, залютовал хозяин: разослал во все концы конные дозоры. С усердием они обшарили горы, чащобы, болотистые зыбуны да изрыскали тайные тропы, но беглец-челобитчик как в воду канул. Ушел удалец и унес горькую жалобу на заводчика.

Задержанных утекляцов-бедолаг заковали в тяжелые, дубовые колодки и бросили в яму. Хозяин и кат отводили душу на несчастных: каждый день они спускались в глухое подземелье и чинили расправу над повинными. Жгли каленым железом им пятки, полосовали кошкой, подпаливали бороды, но молчали бедолаги. Ни одним словом не обмолвились несмотря на страшные муки.

По утрам на шихтплац сгоняли всех заподозренных и секли кошками. Еще пуще обезумел от крови заводчик: на избитых, изморожденных натравливал пса-волкодава. Пес пьянел от ярости: рвал икры, опрокидывал людей на землю и грыз. На неделе трех унесли с шихтплаца за мертво, с изорванными глотками. По заводу прошел глухой слух, что темной ночью кат сбросил с плотин грузные рогожные кули.

А пока шли суд и расправа на заводе Прокофьева утекляц-челобитчик достиг города Екатеринбурга и после долгих мытарств добрался до горного начальника и вручил ему мирскую жалобу. Жаловались в ней рабочие, что Прокофьев обременяет людишек непосильной работой, истязает их нещадно, а баб и девок берет себе на утеху.

Горная канцелярия всколыхнулась: учуяли приказные в этом деле доходную статью. Давненько добрались они до денежной кассы заводчика, да причины не находилось. А тут челобитная подоспела: само счастье шло в руки!

По жалобе проворно нарядили следствие: на завод наехали горные начальники и стали допрашивать рабочих и потерпевших девок. Все в один голос показали на безмерное угнетение. Следователи жили на заводе долго, тянули допросы, изводили бумагу.

Заводчик не дремал, умчал в Екатеринбург и пробыл там с месяц.

В скором времени на завод пришел указ, а в нем предписывалось: крестьян, которые избалованы в неповиновении, наказывать плетью и сдать в солдаты. Девки за блудодейство предать церковному покаянию, а заводчика поручить наблюдению предводителя дворянства.

Дабы неповадно было в дальнейшем возмущать народ, закованного в кандалы челобитчика-ходока под сильным караулом доставили на завод и сдали на внушение заводчику.

Измученный, избитый рабочий предстал пред грозные очи владельца. Суд был скорый и беспощадный: на ранней зорьке по приказу заводчика кат вывел рабочего за ворота и пустил бежать.

В догонку за несчастным натравили пса Ратай...

На валу стабунились мужики и заводские бабы. Глядя на эту гнусную картину, бабы утирали слезы.

Рабочие угрюмо молчали...

3

Не прошла и неделя, как на заводе случился новый переполох: неожиданно-негаданно с ночи исчез пес Ратай. Днем волкодав как тень следовал по пятам хозяина, а вечером ложился в коридоре, у порога хозяйской спальни: стерег его крепкий сон.

И вдруг обнаружилось — нет Ратай. Поднялась суета: кричали, свистали — пес не отзывался. Хозяин насутился, помрачнел: почуял неладное.

После недолгих поисков пса нашли в темном сарае: Ратай, тихо раскачиваемый ветром, висел на пеньковой веревке. У раскрытых ворот сарая расхаживала ворона и призывно каркала.

Пса вынули из петли, положили на землю. Подошел хозяин. Все притихли. Заводчик склонился и тоже долго-долго молчал над падалью. Потом встряхнулся, крикнул озлобясь:

— Так вот что с моим верным другом сделали! Погодите же!

Хозяин ушел в хоромы и вызвал к себе попа. Заводский попик отец Иван немедленно явился на зов владельца. В серой домотканной рясе, худой, с испитым лицом попик боязливо переступил порог хозяйской горницы и заискивающе поклонился.

Хозяин сидел в широком, покойном кресле. Опустив на грудь голову, он о чем-то тоскостно думал.

— Изволили звать, батюшка? — прервал шемющую тишину поп.

Заводчик поднял глаза.

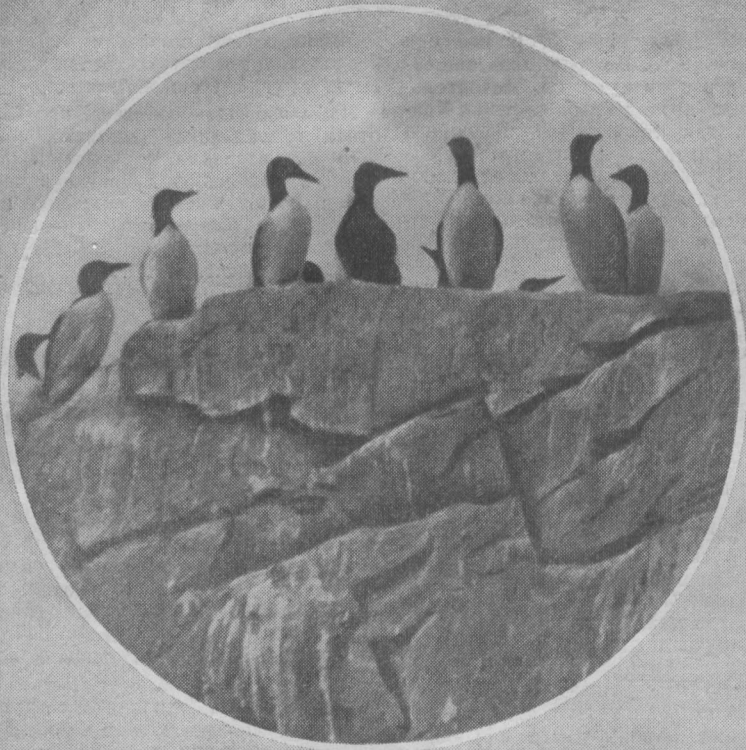
— Батя, беда стряслась! Сгиб мой верный друг — Ратаюшка, — в голосе хозяина задрожала теплая нотка.

— Добрый был пес! — вздохнул поп. — А только вы не извольте кручиниться: то все ж псина, а не человек...

— Как не человек? — вспыхнул хозяин. — Ведомо тебе, батя, что пес мой получше человека берег меня! Они, они, рабочие, его schnitчили! — закричал заводчик. — Так я ж им

(Окончание см. на стр. 16).

ЦАРСТВО ПТИЦ

Текст и фото В. Успенского

Государственный заповедник «Семь островов» находится за полярным кругом, около Мурманского побережья Баренцева моря. Это самый северный заповедник нашей родины. Он создан для охраны и изучения птиц полярного моря.

Пусто здесь зимой, в долгую полярную ночь. Зеленые сполохи играют над морем, ветер хрипит в гранитных расселинах, да прибой день и ночь сотрясает каменные основания островов.

Но стоит лишь весеннему солнцу покрыть ледяной глазурью южные обрывы скал, как на островах вновь пробуждается жизнь. Тысячи морских птиц начинают собираться на свои гнездовья.

В гвалте многочисленного хора пернатых оживают птичьи базары — скальные гнездовья кайр и моевок. Появляются бакланы и чистики, тупики и гагарки. Стаи гаг плавают в прибрежных водах.

Гага — ценнейшая птица нашего севера. Знаменитый гагачий пух — легчайшее и теплейшее вещество. На дрейфующей станции «Северный полюс» «...гагачий пух, — как пишет Герой Советского Союза Э. Т. Кренкель, — был использован для обшивки палатки, изготовления спальных мешков и пошивки курток участникам экспедиции.

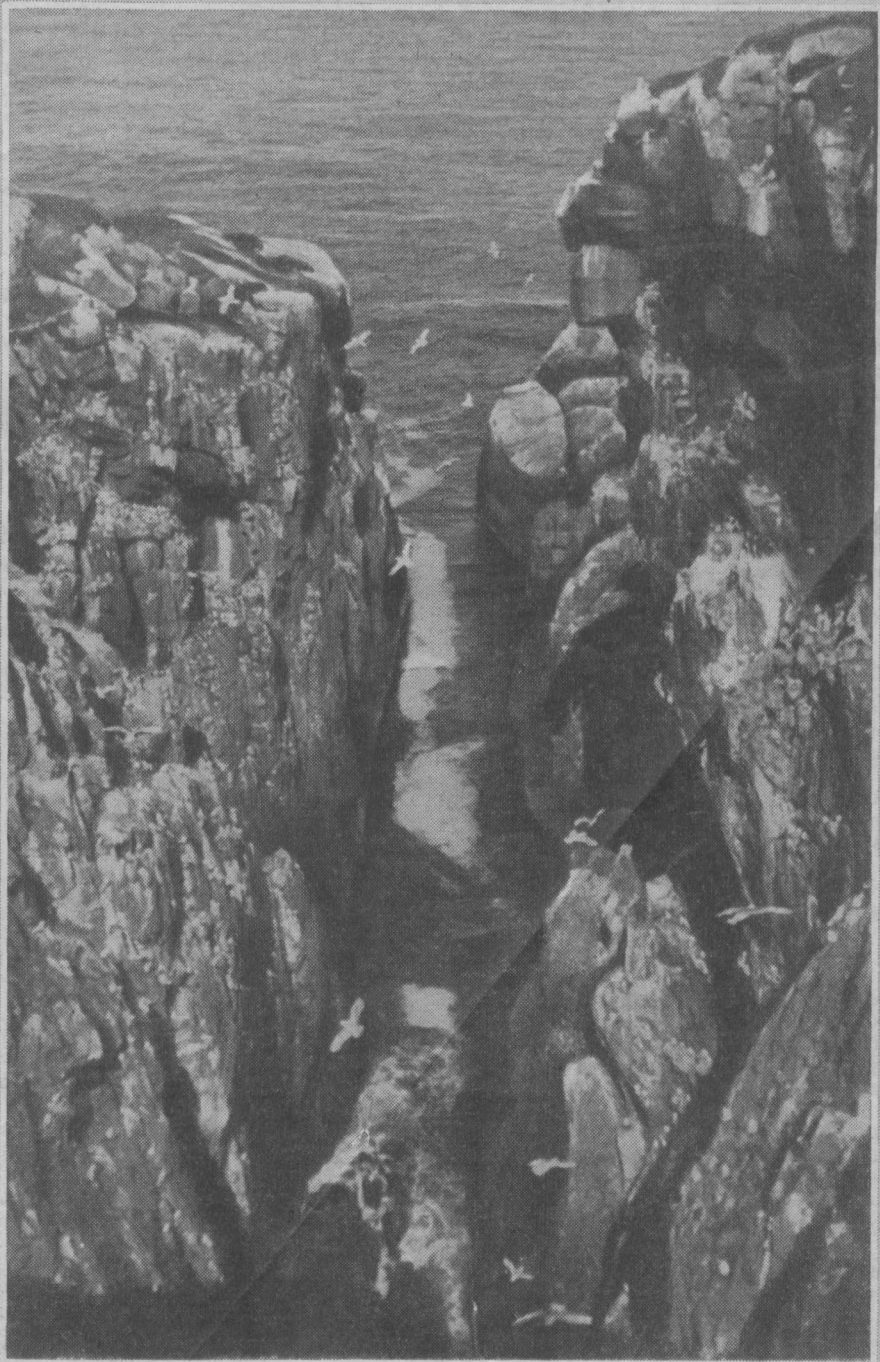
За время дрейфа все указанные предметы на гагачьем пуху показали весьма высокое качество, предохраняя нас от холода и сырости...»

Биология гаги и вопросы промысла пуха тщательно изучаются в заповеднике.

Острова — это изумительная природная лаборатория, где исследователь располагает сотнями гнезд, может вести за ними наблюдения и проводить тут же различные эксперименты.

Сотрудники заповедника выяснили, что если отобрать у гаги часть яиц, она продолжит свою кладку и отложит еще столько же. Отобранные яйца заложили в инкубаторы, и через положенный срок появились первые гагачата.

На снимках: в кругу — кайры на вершине скалы; справа (сверху вниз) — сотрудник заповедника взвешивает гагачьи яйца; гагачата, выведенные в инкубаторе; «птичий базар» на побережье Баренцева моря.

покажу, как превысоко стоит мой пес! Слушай, батка, пса я упряту в домовину, а ты панихиду отслужишь, да на заводское кладбище отнесем.

Поп вынул глаза, лицо его удивленно вытянулось.

— Сегодня заукойную отпоешь! — поднялся с кресла заводчик.

Поп скрестил на животе руки, лицо его построжало. Он собрался с духом, осмелел:

— Увольте, милостивый. Скотину, а наипаче пса канонами православной церкви не дозволено покоить на людском погосте. Не могу.

— Как? — вскипел заводчик, сжал кулаки и тяжелым шагом пошел на попа. — Как? Ты смеешь мне в том отказывать! Я тут царь и бог... Убью! — скрипнул он зубами.

Поп испуганно пал на колени.

— Раскажитесь, не могу! Лучше прикажите принять мученическую смерть, чем господу обидеть.

— Дурак, сот пять отсыплю, хорони пса! — не отступал хозяин.

— Ох, и велик соблазн! — вздохнул поп. — Да не могу. Ох, не могу!.. Расстригут меня...

— Кто?

— Известно — кто, митрополит. Ох, пощади, батюшка...

Хозяин пошелся по горнице, кивнул головой:

— Ладно, поговорим и с митрополитом!..

4

Отказ попа отнюдь не смутил настойчивого горнозаводчика, а только добавил куражу. «Что бы там ни было, а свое возьму!» — не отступал он от своего намерения.

В ближайшие дни он съездил в Екатеринбург, отыскал бойкого писца и настрочил челобитье митрополиту. В ходатайстве господин заводчик слезно обращался:

«Ваше преосвященство,

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я покорнейший и смиренный ваш и православной церкви недостойный раб державу просить вас о дозволении настоятелю нашему отцу Ивану отслужить панихиду о преданном друге нашем безвременно положившем живот — Ратае. Благочинный прихода отказал нам в том и в захоронении его на заводском погосте, ссылаясь на то, что Ратай есть существо четвероногое — пес, а не человек. Осмелюсь опровергнуть сие доказательством. Первое, — у Ратая очи глядели по-человечьи, были умильные и умные. Второе, — был нам до смерти предан и не любил нерадивых и суесловных рабочих людшек. В третьих, — ни пития, ни озорства, ни блуда за ним не значилось, ибо облегчен он был во младенчестве. К тому, ваше преосвященство, нам известно «Блажен, иже скоты милует» и по канонам православной церкви по скоту допускается богослужение. Всем ведомо молебствие о скоте в Егорьевский день, а также и то, что преподобные Лавр и Флор издревле почитаются в русском народе за покровителей коней. Посему слезно просим вашу милость снизить к убогостворению нашей почтительнейшей просьбы. От скудости нашей вносим вам при сем пять тысяч ассигнациями на обновление святого храма и прочие богоугодные надобности. Из сего вы сами видите, сколь рачительны мы к делу веры нашей и в преданности к вам, ваше преосвященство.

К сему руку приложил ваш покорнейший слуга, владетель железнотопильных заводов Прокофьев...»

Получив это слезное послание заводчика со вложением пяти тысяч, митрополит по части денег не морочил себе голову: богомерзкие ассигнации, дабы не было соблазна младшей братии, быстрехонько прибрал к

рукам. Что же касается молитвословия о псе и его погребении, он долго совещался со священниками и вынес весьма осторожное решение, которое и довели до сведения заводчика.

«К нашему глубокому прискорбию вопрос о сем не может быть определен за недостатком материалов», — гласила резолютивная часть сего деликатного решения.

Ответ митрополита обрадовал заводчика. Он потребовал к себе отца Ивана и показал ему отписку. Отдав должное домашним настойкам, заводчик и поп долго совещались и пришли к выводу, что письмо митрополита, — безусловно, добрый знак, а за материалами дело не станет...

Спустя несколько дней по окрестности разнесся слух, что к попу отцу Ивану явилась честной жизни богоугодная старушка и на духу поведала ему про дивный сон. Снилось ей, будто на облаке, в окружении ангельского сонма, на землю спустился преподобный Христофор. Лик его был, как то известно из писания о житии его, косматый, псинный. И сказал псिनголовый Христофор безгрешной женке не то грозно, не то ласково:

— Иди, честная вдовица, и поведай православным, что послан я был господом богом на землю и принял муки в образе пса отверженного...

Многие слышали эту женку, ибо она словоохотлива, со слезами на глазах и с дрожью в голосе кротко рассказывала о чудесном явлении. Однако заводские рабочие проявили себя маловерами и потешались над женкой.

После сего необычного случая поп Иван и заводчик Прокофьев составили новую челобитную. В ней они обратили внимание его преосвященства митрополита на то обстоятельство, что преподобный мученик Христофор, как то явствует из книги жития святого, имел псиную наружность. При том свидетельство непрочной жизни заводской вдовицы о необычном явлении святого мученика, хотя и во сне, указывает о рачительстве преподобного Христофора в сем деле. Известно, что глас народа — глас божий. А кто сия смиренная, богомольная женка, как не народ?..

К новой челобитной, по совету попа Ивана, господин заводчик приложил пятнадцать тысяч рублей ассигнациями на обновление риз и престолы.

Никому неизвестно, какое обстоятельство возымело действие на его преосвященство митрополита. Злые языки утверждали, что решение последовало из-за приложения к челобитной. Но, как бы то ни было, от митрополита последовала собственноручная отписка. В ней значилось:

«Иерею отцу Ивану и владельцу заводов господину Прокофьеву.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Имеем вам сообщить, смиренные чада церкви нашей, — поскольку в известном деле было заявлено ходатайство преподобного мученика Христофора, — постольку мы не можем чинить препятствий к молитвословию о милосердии божьем к скоту с захоронением его подобающим образом».

Пока шла переписка, пес Ратай был упрятан в холодный подвал, но это нисколько не помогало: труп пса предавался тлению со всеми присутствующими сему случаю явлениями.

Дабы избежать соблазна, поп Иван отпел «упокойника» заглазно, после чего пса извлекли из подвала, уложили в долбленную дубовую домовину, в какую кладут умерших кержаков, и с пышностью отнесли на заводский погост, где и погребли среди христианских могил...

5

Действия заводчика усилили ропот и недовольство среди рабочих. Последнее нанесенное им оскорбление возымело силу, и на третий день после погребения пса самоуверенный и гордый своим деянием хозяин после крепкого и освежающего сна, рано утром вышел на крыльцо и отшатнулся.

Посреди крыльца лежал извлеченный из могилы труп Ратая. Невыносимый своим видом и запахом, он скалил на хозяина зубы. Подле его оскаленной пасти лежало письмо.

Возмущенный заводчик схватился рукой за сердце и молча убрался в покои. Приказчик прочел господину письмо. В нем предупреждали хозяина:

«Убрали одного пса, уберем и другого — двуногого и главного. Разумей, хозяин!»

Заводчик за весь вечер ни словом не обмолвился с приказчиком.

«Ну, быть грозе, — думал тот, — жди беду!»

Но прошло немало дней, а хозяин не призывал ката. Струсил заводчик: он потемнел, осунулся, но из-за гордыни не сдавался...

В народе в старое время бытовало поверье: кто гроб загодя сделает или памятник на своей будущей могиле заживо поставит, тот долговечен на земле будет.

— Погодите, — храбрился заводчик, — вы меня смертью пугаете! Так вот, гляди, на зло вам оттаяло монумент, да ишшо какой!

Заводчик выбрал на кладбище сухое, высокое место — золотые пески. Отсюда видны кругом горы и леса. Над будущей могилой возвышалась вековая могучая пихта, а кругом растительность пахучая трава.

Издали сюда привезли мрамор. Большой искусник — итальянец — год трудился над камнем и вырезал диковинный монумент. Все ходили на кладбище и дивились невиданному итальянскому мастерству.

Заводчик к этому времени совсем заплыл жиром. Он расхаживал по заводу и похвалялся:

— Видали — зрели? Ин какой монумент возвел. Я ишшо сто годов отбрыкаю!

Но все случилось иначе.

Весной по буйной верховой воле, по Чусовой-реке, гнали груженные железом струги. И страхась тут беда. Бурливая вешняя воля подхватила струг, повесла стрелой и с ревом хряснула его о каменную грудь бойца¹. Струг качнулся, раскололся, и тяжелый груз пошел на дно. А за ним утонул и заводчик.

Никто не дознался: то ли нарочно потесные² головной струг на бойца направили, то ли в самом деле нежданная беда нагрянула...

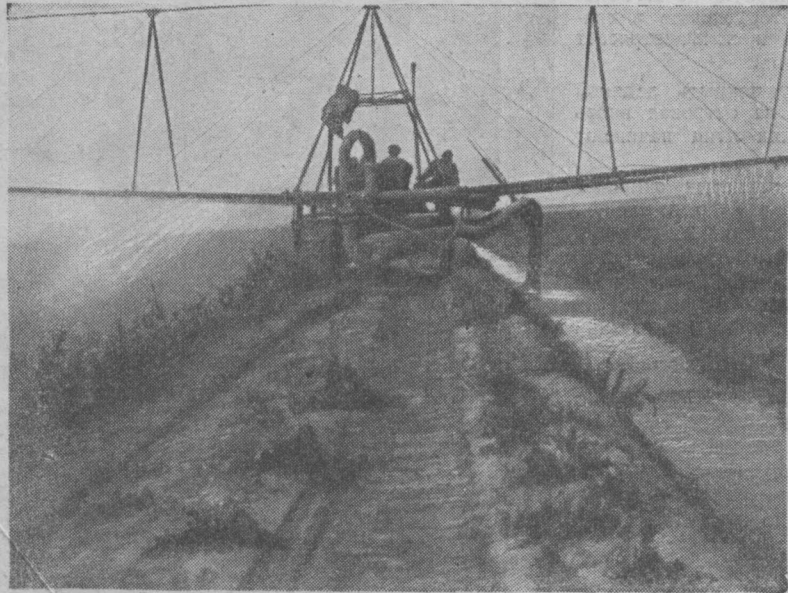
Роскошный монумент на кладбище так и остался стоять впусе.

¹ Бойцами называются высокие скалы на берегах реки Чусовой. О них в былые времена часто разбивались струги.

² Потесные — рулевые.

С. Шустов

ИСКУССТВЕННОЕ ДОЖДЕВАНИЕ

Огородные поля совхоза «Большевик» под Серпуховом страдали от бездождия последних лет. Жгучие лучи солнца сжигали все, что было посажено.

В нынешнем году на полях совхоза было проведено искусственное дождевание при помощи специального аппарата, сконструированного в мастерских совхоза (см. фото). Дождевательный аппарат имеет форму «самолета». В его полых трубках сделано множество отверстий, через которые мелкой пылью выходит нагнетаемая в трубки вода. Размах крыльев аппарата — 100 метров, поливка охватывает 120 метров.

Для прохождения трактора, тянущего дождевательный аппарат, через каждые 120 метров на огородных полях проделаны дорожки. С правой стороны дорожки вырыта канава, наполняемая речной водой, которая при помощи приемного рукава забирается из канавы и поступает в аппарат.

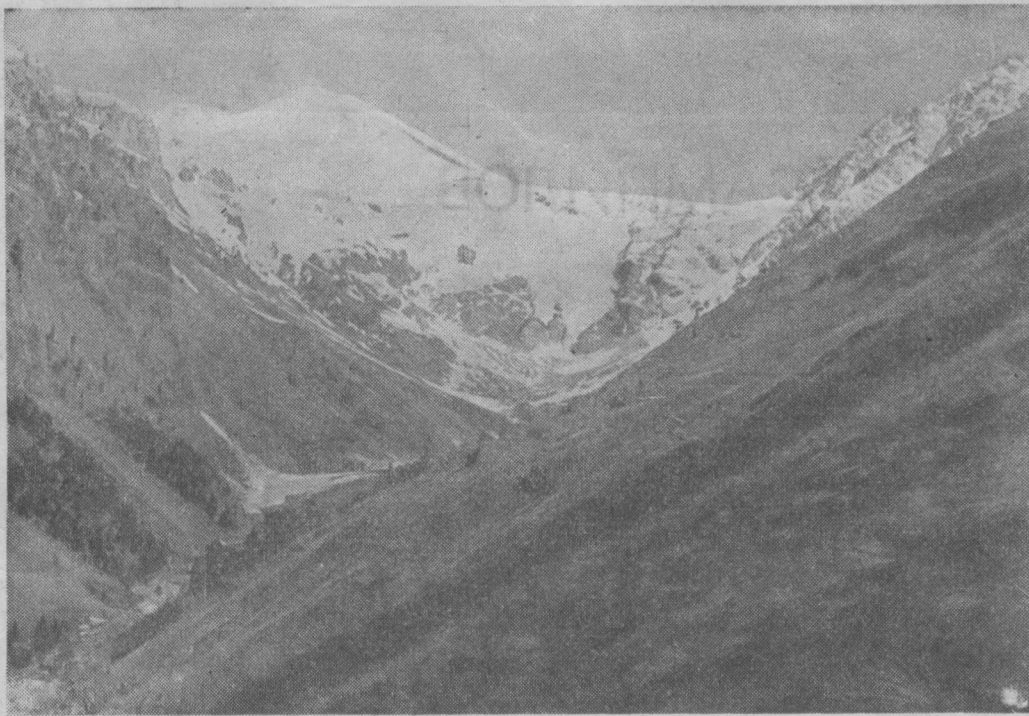
БАКСАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Фотоочерк Е. Мухулиной

Красиво и богато Баксанское ущелье Советской Кабардино-Балкарии. Пестрые поляны цветов, желтые плантации подсолнуха, пшеничные, кукурузные поля, плодовые деревья совхозов и колхозов, густые сплетения кустарников. И горы. Их снежные вершины высоко поднимаются к солнцу.

От центра Кабардино-Балкарии, города Нальчика, начинается Баксанское шоссе. Мост переброшен через реку Чегем. Монументальный мост лег через реку Баксан.

В городе Баксане школы, аптека, больница, клуб, универмаг, парк культуры и отдыха. Акуратные каменные дома стоят на просторной улице. Огороды, фруктовые сады. Навсегда исчезли старый балкарский быт, скученные сакли с дырами вместо окон, нищенское,

Высоко к солнцу поднимаются покрытые снегом вершины Баксанского ущелья.

примитивное скотоводство, смрадные законы прошлого — кровная месть, бесправие женщины.

Баксанское ущелье обросло многочисленными поселками. Колхозы обогатились новыми зданиями и сооружениями. Дома отдыха, санатории созданы в верховьях Баксана. Огромное количество людей обслуживается базами альпинизма. Здесь начинается смелое восхождение на Эльбрус.

Большое количество туристов посещает Баксанское ущелье. Здесь, как и во всей Кабардино-Балкарии, ясно встают перед глазами победы социалистического строительства, победы коллективного земледелия.

Мы помещаем несколько снимков Баксанского ущелья.

В долине раскинулись строения Балкарского племсовхоза.

На склонах гор пасутся стада колхоза имени Кирова, Баксанского района.

Терскольская высокогорная база ЦДКА в Баксанском ущелье.

В этих саклях жили колхозники колхоза имени Этезова. Сейчас для колхозников строятся новые дома.

ЦЫРЕНЖАП САМПИЛОВ

Фото Ю. Говорова.

С творчеством этого замечательного мастера кисти москвичи знакомятся на выставке бурят-монгольского искусства, расположенной в залах Музея восточных культур.

Цыренжап Сампилов был в юности пастухом. Сын батрака из улуса Кондо, сам батрак, он только после Великой Октябрьской социалистической революции сумел целиком отдался любимому делу — искусству. Советская власть дала ему возможность учиться в Москве, во Вхутеине.

Цыренжап Сампилов — выдающийся анималист. Посмотрите его «Арканщика», его «Быка», карандашные зарисовки волков, лис и т. д. В каждом мазке, в каждом штрихе ощущается

тонкое знание художником природы. Сампилов чаще всего изображает животных на фоне родного пейзажа, знакомого ему с детства.

На выставке представлены также большие истори-

ческие композиции художника («Въезд красных партизан в Улан-Удэ в 1920 г.»), портреты, орнамент, пленяющий смелостью и своеобразием рисунка.

Обаяние картин Сампилова в их непосредственности, в их теплом лиризме. Художник горячо любит свою родную страну, ее природу, ее людей. Его самобытное, яркое дарование находится сейчас в периоде своего расцвета. Сампилов полон творческих замыслов.

Цыренжапу Сампилову присвоено звание народного художника республики. Все его творчество — свидетельство глубокой одаренности бурят-монгольского народа и расцвета его культуры.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Цыренжап Сампилов.

«Любовь в степи».

«Натюрморт. В Антирелигиозном музее».

«Въезд красных партизан в Улан-Удэ в 1920 году».

СТРАНИЦЫ ОДНОЙ БИОГРАФИИ

«В середине великого пространства Русского царства, почти в равном расстоянии от города Санкт-Петербурга и Уральского хребта, лежит город Нижний Новгород...»

Немецкая музыкальная газета 50-х годов прошлого столетия давала столь обстоятельную справку потому, что город Нижний впервые появлялся в европейской музыкальной хронике. Здесь жил, как сообщала газета, Александр Дмитриевич Улыбышев, который «приобрел с раннего детства глубокие познания в музыке и даже со славою попытался распространить эти знания, издав свое сочинение под заглавием «Новая биография Моцарта».

★

Москва. 1843 год. Вышло в свет трехтомное сочинение А. Д. Улыбышева о Моцарте на... французском языке. Первое капитальное сочинение о великом музыканте, принадлежавшее перу русского автора.

Берлин. В книжных магазинах выставили новинку — сочинение Улыбышева о Моцарте, уже переведенное на немецкий язык. Очень скоро его перевели на шведский и почти на все европейские языки.

Книга Улыбышева путешествовала долго. Лишь в 1890 году она вернулась на родину. Первый русский перевод этой книги сделал М. И. Чайковский. В Европе к этому времени Улыбышева уже знали как автора и другой шумевшей книги — о Бетховене. Она вышла в Лейпциге в 1858 году.

В музыкальных словарях сохранились скудные справки об Улыбышеве. Историки музыки, если и вспоминали о нем, то снисходительно, отдавая ему дань, как диллетанту, который, сидя в нижегородской глуши, умудрился писать ученые книги.

Улыбышева проглядели. Правда, его книги во многом устарели, когда он говорит, например, о некоем «предопределении» в исторической миссии Моцарта или связывает появление Моцарта с какой-то «высшей волей». Но за всем этим внешним идеализмом историки музыки не замечали новых и вполне научных методов, которые применил русский музыкант-исследователь.

«Главные, настоящие события жизни артиста — его произведения», — пишет Улыбышев. — «Надо, чтобы исторические особенности его жизни стали очевидными из анализа самих художественных произведений».

Улыбышев задался целью исследовать, чем была музыка в истории человечества до Моцарта, ибо только тогда мог быть понят весь переворот, совершенный в искусстве Моцартом. Так биография гениального музыканта разрознулась у Улыбышева в философскую книгу о музыке.

Нижегородский «дилетант» оказался на уровне европейских знаний, а кое в чем даже опередил признанных теоретиков музыки. Пусть в этой книге Улыбышева немало промахов и невольных ошибок, но за Улыбышевым нельзя не признать одного: ему удалось стать пионером русской музыкальной науки.

Уцелели лишь разрозненные страницы биографии Улыбышева. Стоит их соединить — и оказывается: наш первый биограф Моцарта был связан с Пушкиным еще по обществу «Зеленой лампы». В бумагах общества среди постоянных и деятельных членов его значится имя А. Д. Улыбышева. Известно, например, что в 1819 году под председательством Улыбышева на собрании «Зеленой лампы» Дельвиг читал свои новые стихи...

Пушкин, сосланный в Бессарабию, спрашивал у петербургских друзей: «Горишь ли ты, лампада наша, Подруга бдений и пиров? Кипишь ли ты, золотая чаша, В руках веселых остряков?»

Но в архивах «Зеленой лампы» остались не только веселые остроты да шуточные стихи. Как-то раз на собрании «Зеленой лампы» была прочитана новелла «Сон». Автор новеллы видит Россию через триста лет. Он не узнает старого Петербурга. На каждом шагу он встречает новые общественные здания: школы, академии, библиотеки. Вместо императорского дворца Русский Пантеон, где собраны статуи людей, прославившихся талантами или заслугами перед отечеством.

«— Я тщетно, — саркастически замечает автор, — искал здесь изображение теперешнего владельца этого дворца» (т. е. Александра I).

На месте Александрово-Невской лавры высится триумфальная арка, воздвигнутая на развалинах фанатизма...

«— Мы изменили герб Империи, — поясняет автору спутник, сопровождающий его в этом путешествии в будущее. — Две главы орла, которые обозначали деспотизм и суеверие, были обрублены, и из пролившейся крови вышел феникс свободы».

В рукописи новеллы нет имени автора. Но почерк раскрыл для нас инкогнито. Острая политическая новелла «Сон» принадлежала перу члена «Зеленой лампы» А. Д. Улыбышева.

★

Следователи, чинившие расправу над декабристами, вспомнили и о «Зеленой лампе». В показаниях среди прочих членов этого общества было названо имя Улыбышева. Следователи допытывались: когда и кто читал в «Зеленой лампе» «республиканские стихи»? Добыть этих сведений не удалось. Следственная комиссия вынуждена была постановить, что «общество еще не имело никакой политической цели», поэтому общество это оставили без внимания.

«Без внимания» был оставлен и член «Зеленой лампы» — Улыбышев. Все же имя его занесли в секретный государственный документ: «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу». Улыбышев, однако, продолжал службу в министерстве иностранных дел. Молодой дипломат с европейским образованием даже делал карьеру. После гибели Грибоедова ему предложили пост русского посла в Персии, но Улыбышев отказался.

Александр Дмитриевич Улыбышев.

Портрет 1847 года.

★

1830 год. Нижегородское поместье Лукино. От веранды барского дома липовая аллея ведет к берегам тихой Кудьмы. Сюда только что переселился из Петербурга действительный статский советник А. Д. Улыбышев. Ему немного более тридцати лет, но он уже в отставке. Формальный повод — смерть отца, хозяйственные заботы об имении.

— Музыка есть универсальный язык! — провозглашает теперь автор «Сна», принадлежавший к числу многих людей, которые сломались после поражения декабристов.

Начата книга о Моцарте. Текучи дни, отданные искусству и науке. Но в тихий дом на берегах Кудьмы снова грубо врывается действительность. В разрозненные листки биографии Улыбышева нужно ввести еще одну полузабытую страницу.

★

Москва. 1836 год. В журнале «Телескоп» появились «Философические письма к г-же***». Подписи автора не было. Это философическое письмо взбудоражило всю мыслящую Россию. Автором письма был Чаадаев. По повелению Николая I его объявили сумасшедшим. Заинтересовались и адресаткой письма — «г-жой***». Она оказалась Екатериной Дмитриевной Пановой. В ответ на ее письмо Чаадаев

и начал писать свои «философические письма».

Расправа над Чаадаевым предопределила судьбу Пановой. Ее свидетельствовали в московском губернском присутствии и так же, как Чаадаева, признали сумасшедшей.

В Москве шло следствие по поводу «философических писем». В Лукине тревожно ждал вестей Александр Дмитриевич Улыбышев. Екатерина Дмитриевна Панова, урожденная Улыбышева, была его родной сестрой, близкой не только по крови, но и по духу. Ей впоследствии Улыбышев завещал все свои рукописи.

★

«Судьба послала мне друга, Милия Балакирева, — так писал Улыбышев и тут же прозорливо предугадал его будущее: — Пианист первоклассного достоинства, примечательный уже композитор, он обещает стать крупным музыкантом в нашей стране».

Улыбышев разыскал полуншего воспитанника дворянского института и затащил его в свой гостеприимный дом на углу Больших и Малых Печерок в Нижнем.

Дом этот славился не преферансом и не винтом, как было заведено по добром провинциальному обычаю. Даже немецкая музыкальная газета сочла нужным поведать своим читателям об улыбышевских домашних кон-

церах: «На этих музыкальных собраниях нашли бы наслаждение и радость истинные друзья музыки. Сочинения Гайдна, Бетховена, Моцарта исполняются здесь в квартетах, трио, на фортепиано с аккомпанементом струнных инструментов, с возможной отчетливостью, вкусом и чувством...»

В этом доме стал желанным и почетным гостем застенчивый юноша, Милий Алексеевич Балакирев, который на всю жизнь запомнил улыбышевские собрания как самое яркое, самое сильное впечатление своей юности.

Биографы Балакирева справедливо называют Улыбышева ближайшим другом и попечителем Балакирева. Но биографы не заглядывают глубже. Балакирев знал в Улыбышеве не только добродушного мецената. Улыбышев ушел от общественно-политической жизни, замкнулся, но себе не изменял. В эпоху «освобождения» крестьян автор «Сна» писал Балакиреву:

«Все филины, совы, летучие мыши и другие зловредные ночные птицы слетелись в наш губернский город с криком и воплем раздражительным, ибо хотят вырвать из их когтей человеческую добычу, которою они питались так долго. Нельзя уже будет высасывать из мужиков до последней капли крови и торговать их мясом».

В доме нижегородского помещика-мецената, где провел юность будущий вождь «Могучей кучки» русских музыкантов, принципы демократизма были часто темой душевных бесед...

На домашних концертах Улыбышева Балакирев впервые услышал гениальную музыку «Ивана Сусанина» Глинки. И Улыбышев прозорливее всех ощутил величие этой национальной русской музыки.

— Под пером Глинки, — говорил Улыбышев, — наша отечественная музыка в первый раз явилась достойною исторических судеб родного края и нравственного величия народа.

Для всей деятельности Балакирева были характерны смелость и самостоятельность суждений, борьба с рутинной и лжеавторитетами. Быть может, и здесь сказалось благотворное влияние Улыбышева, который, разбирая и заново оценивая старые партитуры, всегда говорил:

«В искусстве — единственная правда, которую может публике сказать автор, — его личное убеждение, с тем условием, конечно, что автор сделал все от него зависящее, чтобы проверить и обосновать это убеждение. Тогда для него нет авторитетов, кроме признаваемых им самим!»

Когда Балакирев приехал из провинции в Петербург, он был уже сложившимся борцом. Его знаменем была борьба за демократизм, за народность, за правду в музыке, борьба против косности и музыкальной схоластики. И, вспоминая о Балакиреве, мы вправе теперь говорить, что под влиянием Улыбышева, этого замечательного и разностороннего человека, формировалась творческая юность воинствующего идеолога «Могучей кучки».

Чем последовательнее развывается перед нами летопись жизни Улыбышева, тем большее значение приобретает это полузабытое имя в истории русской культуры. Скромный и строгий к себе, Улыбышев был прав, когда писал:

«Наш Нижний Новгород внес свое имя в летопись музыки через двести лет после того, как он дал политической истории одну из самых славных, самых лучезарных ее страниц. Надеюсь, что отечество примет мое приношение, как некогда оно приняло лепту бедняка, вместе с сокровищами богача, положенную на его алтарь...»

«Зимний этюд».

Работа ученика 6-го класса Богаткина

СМОТР МОЛОДЫХ ДАРОВАНИЙ

В Ленинграде, в залах Академии художеств, разместились экспонаты, присланные со всех концов Советского Союза: из Пензы и Баку, из Ка-

«Портрет девушки».

Работа Спиридонова, ученика 4-го курса Ярославского художественного училища.

зан и Сталинабада, из Кировска и Ростова... Открылась всесоюзная выставка учащихся художественных училищ.

Юные советские художники отчитываются перед советской общественностью. В развитии молодых дарований, в подготовке новых кадров художников заинтересована вся наша страна.

В картинах юных художников еще много робкого и наивного. И все-таки то здесь, то там глаз улавливает проблески самобытного таланта, зоркое восприятие вещей, правдивое отражение жизни.

От рисунков и этюдов, от «натюрмортов» и «натурщиц» молодые художники переходят к сложным сюжетным композициям.

Картины «Горький среди грузчиков» (Гусев, Горьковское училище), «Горький в Ростовском порту» (Черденченко, Ростов) показывают, как популярен образ великого пролетарского писателя среди молодежи, с какой любовью воспроизводят его молодые художники в своих еще не совершенных, но вдумчивых работах.

Наиболее выгодное впечатление производят экспонаты ленинградской средней художественной школы при Всесоюзной академии художеств и Московского училища памяти 1905 года. Но и другие города Союза не бедны дарованиями: есть хорошая живопись на стендах Сталинабада, Ворошиловграда, Харькова, Пензы, Свердловска.

Художественное училище Палеха показало, что в работах его учеников сохраняется виртуозность истых палешан. Ценно стремление палешан отзываться на волнующие события современности, показать встречу Красной Армии в Западной Украине

и Западной Белоруссии, изобразить жизнь колхозов. Привлекают палешан и литературные сюжеты — одним из образцов этого жанра является иллюстрация Куркина к «Матери» Горького.

Выставка показывает результаты проделанной большой работы. Но еще больше работы впереди. Далеко не все присланное на выставку оказалось достойным экспозиции. Мало того: часть выставленных работ ниже тех требований, какие можно предъявить к воспитанникам специальных художественных школ.

От плодотворной деятельности художественных школ зависит в значительной мере рост всей художественной культуры в стране. Надлежит подумать о том, как улучшить состав педагогов на периферии, как поднять мастерство рисунка, как избежать унылой нивелировки, порой стирающей своеобразие свежих замыслов, интересных исканий.

Э. ГОЛЛЕРБАХ

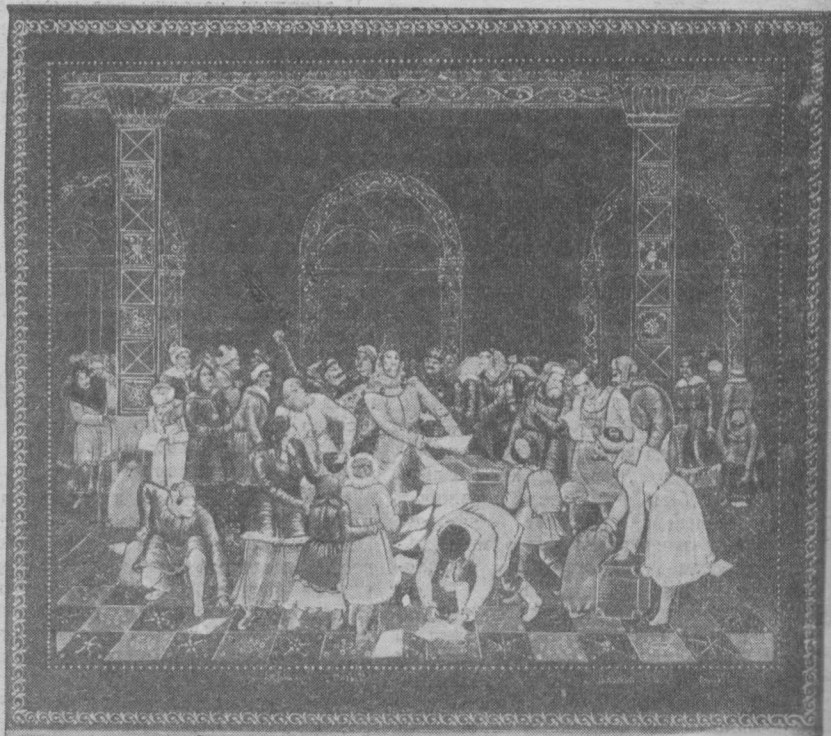

Иллюстрация к произведению М. Горького «Мать». Работа А. Куркина, ученика 5-го курса Палехского художественного училища имени Горького.

Занудежом

ХРОНИКА ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ

В германской газете «Франкфуртер цейтунг» помещена корреспонденция из Токио, дающая некоторое представление о современном быте в Японии. Приводим эту корреспонденцию в сокращенном виде.

«Роскошь — наш враг» — можно читать уже в течение многих недель на телеграфных столбах и стенах токийских зданий. Долой японское кимоно, долой художественную старояпонскую прическу; долой европейский перманент, визитки, фраки и вообще штатское платье, долой фонарики на улицах, дорогие яства; долой загородные поездки на частных машинах и автобусах; долой общество гейш, дорогие свадьбы и похороны; долой новогодние подарки и отнимающие время поздравления, — невозможно перечислить хотя бы часть того, что должно исчезнуть или уже исчезло.

Газеты повели кампанию против расточительства — в чайных домиках, ресторанах, барах, кафе и других увеселительных местах. Для начала решено было ликвидировать так называемых «такси-герлс», т. е. девушек, которые за плату танцуют с посетителями токийских дансингов. Затем уволили 15 тысяч кельнерш из кафе и баров. В Японии этим девицам вменяется в обязанность развлекать посетителей. Увеселительные заведения открыты лишь с 5 до 11 вечера. Мужчинам запрещено появляться на улицах с гейшами. Всеяпонская корпорация гейш постановила запретить прическу «перманент», маникюр, ношение перчаток в летнее время и хождение на высоких каблуках (их носят, когда надевают европейское платье). В одеяние гейш внесены ограничения: стоимость кимоно не должна превышать определенную сумму, запрещено ношение драгоценностей, а также украшений в прическе, нельзя даже донашивать имеющиеся у гейш дорогие кимоно.

Впрочем, ограничения коснулись не только гейш, но и всех женщин в Японии. Не разрешается носить чересчур яркое кимоно.

Реформа вызывает и возражения. Так, недавно в одной из крупнейших газет можно было читать, что в соответствии с новой реформой и с требованиями экономики было бы предпочтительнее, если бы уважаемые мужчины пили меньше вина, устраивали поменьше пиршеств и ре-

же слонялись ночами по питейным заведениям; тогда не надо было бы заставлять женщин носить кимоно только по той причине, что оно несколько светлее, чем это ныне полагается.

Недавно был поставлен вопрос об отмене кимоно и введении для женщин единой одежды. Создана даже правительственная комиссия для выработки такой одежды. Первое из ставших достоянием гласности предложений заключалось в том, чтобы ввести нечто среднее между длинным китайским платьем и европейским нарядом. Старый покрой кимоно признан непрактичным. Знатки Японии почти не представляют себе возможным введение единой одежды женского платья, что, однако, не исключено.

В одном из аристократических кварталов Токио недавно была сооружена большая палатка, в которой разместилось бюро по выдаче справок о соответствующем духу времени женском платье. Бюро получало запросы: какую материю набрать? Какой длины должны быть рукава кимоно? Можно ли еще

носить заграничное платье?

Особенно горячие споры ведутся на тему о том, можно ли японке носить заграничные платья. Общее мнение таково, что можно, но лишь в том случае, когда это вызывается условиями работы. В частности это относится к водителям автобуса (которые и без того носят форму), к секретаршам, которые служат в крупных фирмах, ибо трудно работать на пишущей машинке, нарядившись в кимоно с рукавами.

Что касается мужчин, то они с давних пор носят европейские пиджаки и брюки. Отныне и фасон мужских платьев должен быть выдержан в национальном стиле. Проект предусматривает высоко застегивающийся пиджак, причем студенты и школьники должны носить такой же пиджак, только из дешевой материи. Для занимающихся физическим трудом предусматривается блуза, а летом — короткие штаны. Мужское платье должно быть одного, «национального» цвета.

Не следует, однако, думать, что вся Япония уже

теперь одета по единому образцу. Возможно, это произойдет через несколько лет. Пока же, руководствуясь соображениями экономии, разрешили донашивать имеющееся платье, за исключением чересчур пестрых женских кимоно.

С 1 октября запрещена продажа предметов роскоши. Закрылись многие специальные магазины, в том числе ювелирные и антикварные, а также магазины дорогих материй. Это, повидимому, вызвано намерением правительства помешать погоне за ценностями, легко наступающей в трудные времена, а также желанием освободить капиталы, сырье и рабочую силу для производства более нужных товаров.

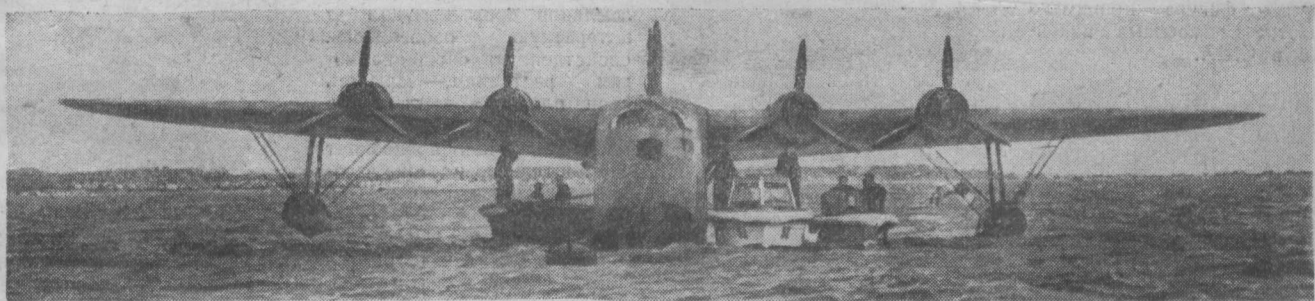
Новый курс официальной экономической политики находит свое отражение и в повседневном меню. Так например воспрещено расходовать на обед больше 2,5 иены, на ужин — 5 иен. Многие японские предметы питания, как печенье и другие деликатесы, больше не изготавливаются. Исчезли также дорогие сорта сигарет, спиртные напитки отпускаются лишь после 5 часов вечера. После 8 часов 30 минут вечера прекращается отпуск блюд из риса: его не хватает. Свинина составляла $\frac{1}{2}$ общей продажи мяса в Токио с его 5-миллионным населением. Теперь она исчезла, ибо цены в Токио ниже чем в других местах.

Что касается театральных и прочих зрелищ, то в дальнейшем будут допускаться только те из них, которые «способствуют моральному и физическому укреплению нации». Зрелища, носящие лишь развлекательный характер, возбраняются. Усилена цензура театральных пьес и кинофильмов. Даже театр Кабуки, классический театр Японии, принужден отказаться от своих излюбленных постановок, поскольку их содержание сводилось почти к одним лишь любовным авантюрам. Новая программа Кабуки, составленная на октябрь и ноябрь, включает ряд драм героического содержания, в том числе драму о Хидеюши, японском Наполеоне. На «дух новой реформы» переключаются и другие театры. Одна из современных драм посвящена самоотверженности японских колонизаторов в Манчжоу Го.

В связи с новой реформой, пишет корреспондент, создано много шуток, большей частью невинных. Так, во время недавних усиленных противовоздушных маневров населению предложено было держать наготове у входных дверей, кроме ведра с водой, также и ящик с песком. После этого вошло в моду при посещении кого-нибудь из знакомых задавать хозяину вопрос:

— Скажите, вы также завели себе кошку?

ЕВРОПА—АМЕРИКА В 12 ЧАСОВ 20 МИНУТ

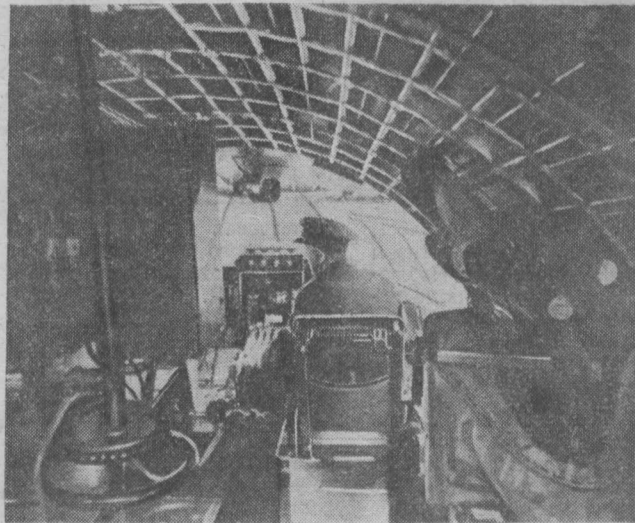

Опытные перелеты «летающих лодок» через Атлантический океан, из Англии в США, предпринимались еще в 1937 году. Одно время начались были рейсы самолетов, но прекратились после того, как разразилась европейская война.

В августе 1940 года задача трансатлантического воздушного сообщения была, под влиянием расширяющейся войны и потребности Англии в быстрой и регулярной связи с Западным полушарием, практически разрешена. Для обслуживания линии применяются воздушные товаро-пассажирские гиганты «Флейр» с четырьмя моторами по 905 лошадиных сил каждый.

«Флейр» стартует с гидродрома в Фойнесе (Северная Ирландия), совершает после пересечения океана посадку в Ботвуде (Ньюфаундленд), откуда направляется к конечному пункту своего маршрута — городу Монреалю в Канаде. Путь от Фойнеса до Ботвуды «летающая лодка» покрывает в 12 часов 20 минут.

На снимке (вверху): «Флейр» на рейде в Фойнесе, справа: кабина «Флейра», где на переднем плане за- сняты дополнительные баки с горючим.

САХАР В ХИРУРГИИ. Сидней Смит, студент-медик Чикагского университета, выдвинул предложение, вполне оправдавшее себя в экспериментах на животных. Он предлагает при сшивке стенок кровеносных сосудов, разорванных при какой-либо травме, пользоваться специально приготовленными, соответствующими (по диаметру) просвету сосудов стерженьками из сахара.

Оба конца поврежденного сосуда «надеваются» на такой стерженец и соединяются. Стерженек играет здесь примерно такую же роль, как «грибок», на котором штопают чулки. По указанию американских журналов, применение этого метода облегчает сшивание сосудов. Сахарный стерженец быстро рассасывается и совершенно безвреден для организма.

МАСКАРАД ВОИНЫ. Такая необычная маскарадная фигура принимала участие на военных маневрах в США.

Перед тем как занять свой пост на вершине дерева, наблюдатель надел на себя специальный маскировочный костюм. Изломанные черные и белые полосы сливаются со сплетением ветвей на фоне неба. Наблюдатель в таком костюме незаметен ни с земли, ни с воздуха.

ТУШЕНИЕ МАГНИЕВЫХ ПОЖАРОВ. Легко воспламеняющийся металл — магний — известен широкой публике преимущественно как осветительное средство при фотосъемках. Вспышка магния дает яркоослепительный свет. Это свойство маг-

ния делает его незаменимым для производства осветительных и зажигательных бомб.

Но магний обладает и другим свойством. Он легче алюминия, и поэтому магниевые сплавы наряду с алюминиевыми находят все более широкое распространение в самолетостроении.

Воспламеняемость магния чрезвычайно усложняет его обработку на военных заводах. Он часто воспламеняется на станке.

Пламя магния не поддается тушению водой, наоборот, вода еще больше усиливает пламя. Углекислый газ и другие химические средства огнетушения также отказывают в этом случае. Не помогают и обычные пеногонные аппараты-огнетушители. Магний продолжает гореть под пеной. Единственным средством ликвидации магниевого пламени или его локализации является песок.

Но это средство не всегда можно применять в цеховых условиях. Песок, попавший в точный станок, может причинить станку больше вреда чем пламя.

Швейцарская газета «Технише рундшау» сообщает об изобретении жидкости, применяемой для тушения магниевых пожаров. Состав ее не публикуется. Известно лишь, что это маслообразная жидкость, которая воспламеняется при очень высокой температуре. Жидкость, поступающая из огнетушителя, образует вокруг горящих магниевых стружек воздухопроницаемую пленку, вследствие чего пламя гаснет.

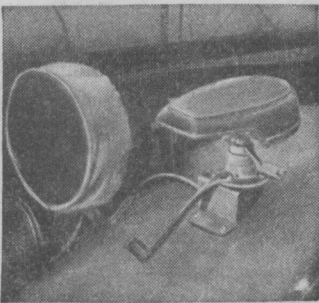
Корреспондент газеты присутствовал при демонстрации нового огнетушителя на швейцарском военном заводе в Туне.

Тонкостенная зажигательная бомба покрывалась деревянным ящиком (из еловых досок), поставленным вверх дном. На ящике была кроме того насыпана куча магниевых стружек. Бомба была подожжена при помощи шнура. Несмотря на то что ветер раздувал горящие стружки, пламя было быстро ликвидировано.

Новый огнетушитель (см. рис.) представляет собой герметический баллон, в котором жидкость находится под давлением 8 атмосфер. Он вмещает около 10 литров жидкости. Жидкость подается через шланг в распылитель, который рабочий придерживает правой рукой, всегда подвешенной к распылителю.

СВЕТОМАСКИРОВКА АВТОМОБИЛЯ. До последнего времени в Германии светомаскировка автомобиля сводилась к тому, что на фары надевались специальные колпачки, имеющие узкую щель для прохода света. В германских маскировочных колпачках эта щель имеет всего 8 сантиметров в длину и 1 сантиметр в высоту. Она пропускает лишь 3% всего светового потока. Это явно недостаточно для

освещения пути перед водителем. Кроме того свет падает на дорогу в виде узкой полоски и не освещает обочины. Таким образом, водитель не в состоянии заметить пешехода, собирающегося пересекать дорогу.

Наконец, благодаря концентрации света в виде узкой полоски он слепит гла-

за встречным водителям и пешеходам.

Все это, вместе взятое, заставило германский научно-исследовательский институт моторизации армии совместно с фирмой «Нова-Техник» разработать принципиально новую систему светомаскировки автомобиля.

При новой системе стандартные фары совсем выключаются. Освещение дороги производится при помощи специальной маскировочной фары, установленной на крыле (см. рис.) или же перед радиатором.

Благодаря применению остроумной оптической системы линз и зеркал свет от небольшой электрической лампочки отбрасывается далеко вперед, на дорогу, в виде широко раскрытого веера. Освещенная поверхность, как показали опыты, не видна с воздуха.

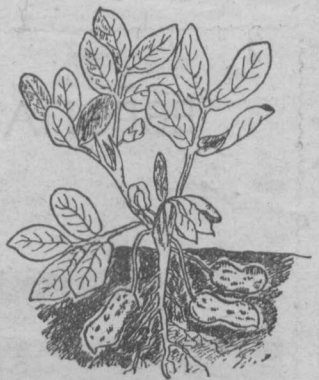
Заметки НАТУРАЛИСТА

ЗЕМЛЯНОЙ ОРЕХ. Всем нам хорошо известны вкусные плоды так называемого китайского, или земляного, ореха, но вряд ли многие подозревают, насколько интересно и оригинально растение, дающее их, и как разнообразно использование его замечательных плодов. Земляной орех принадлежит к семейству бобовых. Это — однолетнее травянистое растение в 25—75 сантиметров высотой, с перистыми листьями и мелкими желтыми цветами, напоминающими по строению цветы гороха, бобов, вики. Свое название земляной орех получил за интересную особенность, свойственную очень немногим растениям, — зарывать свои плоды в землю. Это происходит таким образом: после того как произойдет самоопыление, цветок завязывает, цветоножка же быстро начинает удлиняться, образовавшаяся завязь углубляется в землю, где и происходит созревание плодов. Завязи, не достигнувшие земли, недоразвиваются и засыхают.

Родина земляного ореха точно неизвестна. Дикорастущие формы его были найдены в Бразилии. Испанцы, открывшие Америку, ввезли это растение к себе на родину и начали культивировать. Ученый, впервые описавший земляной орех, назвал его «арахис гипогей», что значит по-гречески «подземный паук», за сходство выпуклых, переплетающихся жилок скорлупы с паутиной. В 1900 году сильное поражение долгоносиком хлопковых плантаций в южных штатах Северной Америки сделало невыгодным культуру хлопка и фермеры были вынуждены обратиться к возделыванию арахиса. Культура арахиса принесла настолько значительные выгоды, что граждане города

Энтерпрайза соорудили монумент долгоносику с надписью, выражающей благодарность за увеличение их благосостояния.

У нас культура земляного ореха получила широкое распространение лишь после революции. В настоящее время под арахисом уже заняты значительные площади

в Средней Азии, Северном Кавказе, Закавказье, Южной Украине и на Нижней Волге.

Семена ореха имеют до 30% белка и до 50% жира. Они идут на изготовление масла, обладающего хорошими вкусовыми качествами и имеющего большое значение в пищевой и мыловаренной промышленности (марсельское мыло). Жмых после размалывания добавляют в муку, что улучшает питательность и вкусовые качества хлеба. Кроме того жмых идет на корм различным сельскохозяйственным животным.

Скорлупа ореха (лузга) содержит много клетчатки и служит для отопления. 3 тонны лузги могут заменить 1 тонну каменного угля. Лузга используется для производства бумаги, картона, линолеума и, по последним данным, идет на приготовление взрывчатых веществ. Арахисовое сено да-

ет питательный корм. Так разнообразно может быть использован земляной орех человеком.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ

Необычайно суровая зима 1939—1940 года, в течение которой морозы доходили до 40°, тяжело отразилась на многих деревьях теплых областей, культивируемых в Московской области. В частности, в парке Ботанического сада МГУ частично или полностью вымерзли конские каштаны, ясени, различные виды североамериканских дубов, укусное дерево и другие. И все же приходится удивляться необычайной жизнестойкости некоторых деревьев. Так например белая шелковица, или тутовое дерево, родом из Восточной Азии, и грецкий орех, красивое мощное дерево, родиной которого, как предполагают, является Персия, подмерзли в эту суровую зиму почти до самого корня. И, однако, от нижней части ствола в течение лета густо пошла молодая поросль. Деревья снова возрождаются к жизни. Правда, в столь чуждых для них условиях они никогда не достигнут размера крупных деревьев и будут расти в виде невысоких кустарников.

Интересно, что жаркое продолжительное и засушливое лето 1938 года вызвало этих уроженцев юга к плодоношению. Белая шелковица сплошь была покрыта продолговатыми сочными приторно-сладкими плодами (соплодиями), по внешнему виду напоминающими плоды ежевики. Дерево грецкого ореха тоже плодоносило, но оно дало всего-навсего один орех, правда, очень крупный, но не достигший полной зрелости.

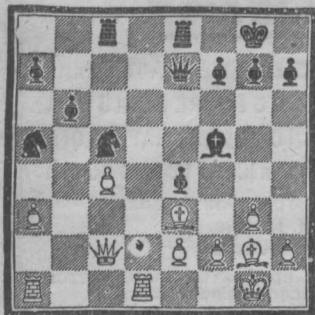
ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

Партии 12-го шахматного чемпионата содержат богатейший материал, изучением которого занимаются наши шахматисты.

Приводим окончания двух партий бакинского мастера В. Макагонова.

Макагонов — Смыслов

В позиции диаграммы Макагонов, играя белыми, проводит оригинальную комбинацию, начинающуюся жертвой пешки. Идея этой комбинации настолько скрыта, что игравшему черными действительно трудно было ее усмотреть.

1. Ld1—d5! Kc5—b3

Как выяснилось впоследствии, здесь лучше было отступить слоном на d7. Однако пока угроз со стороны белых не видно, а sobald выиграть пешку велик.

2. La1—d1 Lc8:c4

3. Fc2—b2 Cf5—e6

Если 3. Cc8, то 4. Ле5! Ff8 (очевидно, что ладью бить нельзя ввиду мата по 8-й горизонтали). 5. Л:е8 F:e8 6. Kh5 f6 7. K:f6+

g:f 8. Ф:f6 Lc6 9. Фh4 с сильнейшей атакой.

4. Kf4:e6 Fe7:e6

5. Ld5—e5!

Идея комбинации белых. Выясняется, что у черных плохо защищена 8-я горизонталь и белые, нападая на ферзя, который должен защищать ладью e8, добиваются выигрыша.

Сейчас не помогает белым

5. . . . Fc6 из-за 6. Ld6

5. . . . Fe6—c8

6. Cg2—h3 Le8—d8

Жертва ферзя уже вынуждена. На 6. Fb8 решает 7. Лg5 g6 8. Лb5 Kc5 9. Ch6 Le5 10. Ф:e5 и 11. Ld8+.

7. Ch3:c8 Ld8:d1+

8. Kpg1—g2 Lc4:c8

9. Ле5—g5 g7—g6

10. Лg5—b5 . . .

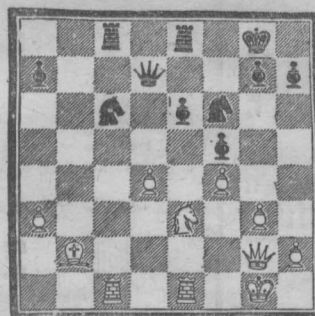
И сейчас этот маневр приводит к выигрышу двух коней за ладью. Угрожает 11. Ch6.

10. . . . Ld1—d6

11. Лb5:b3 Ka5:b3

12. Fb2:b3 Черные сдались.

Макагонов — Ботвинник

В партии против Ботвинника Макагонов также пожертвовал пешку, для того чтобы вскрыть диагональ слону b2.

1. d4—d5 Kf6:d5

2. Ke3—c4 Lc8—b8

3. Lc1—c2 Lb8—b3

4. Lc2—d2 Le8—b8

5. Fg2—e2 Kc6—d8

6. Fe2—e5 Lb8—b5

7. g3—g4! . . .

После жертвы пешки белые фигуры получили возможность активной игры.

Ходом 7. g4 белые вскрывают еще линию, чтобы обрушиться на пункт g7.

7. . . . Lb5—c5

8. g4:f5 Lc5:c4

9. f5:e6 Kd8:e6

10. Ld2:d5 Fd7—f7

11. f4—f5 . . .

Белые создали грозную атаку, от которой уже трудно защищаться.

11. . . . Ke6—f8

12. Ch2—d4 Lc3—d3

13. Ld5—d8 Ld3—d2

Сразу проигрывает. Следовало пожертвовать качество 13. Л:d4, но и тогда у белых хорошие шансы на выигрыш.

14. Ld8:f8+! Ff7:f8

Нельзя 14. Kp:f8 15. Fb8+

15. Fe4—d5+ Kpg8—h8

Иначе 15. Ff7 16. Le8 мат

16. Fd5:c4 Ff8—d8

17. f5—f6 Ld2:d4

Или 17. g:f 18. Le8+ и 19.

C:f6—мат.

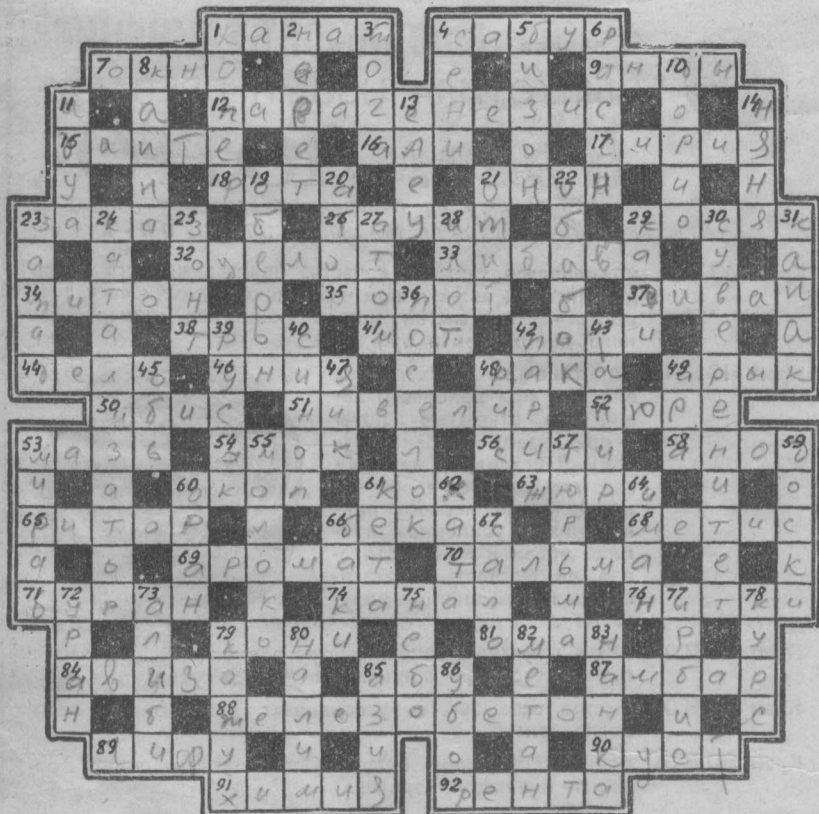
18. f6—f7! Черные сдались.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» И. ВИШНЕВСКИЙ

По горизонтали:

1. Толстая веревка.
4. Высохший сок алоэ.
7. Часть дома.
9. Горы в Южной Америке.
12. Учение о совместном нахождении минералов.
15. Знаменитый итальянский поэт.
16. Четвертый арабский халиф.
17. Южная часть Палестины.
18. Военная часть.
21. Река системы Амура.
23. Поручение.
26. Римский историк.
29. Брус дверной или оконной рамы.
32. Дикая кошка.
33. Советский порт на Балтике.
34. Змея.
35. Выражение недовольства.

37. Мебель.
38. Стальной канат.
41. Расточитель.
42. Город на Черном море.
44. Судебный процесс.
46. Союз.
48. Гробница.
49. Оросительный канал.
50. Птица.
51. Геодезический инструмент.
52. Кушанье.
53. Смесь жиров с другими веществами.
54. Болезнь.
56. Часть Лондона.
58. Один из электродов.
60. Полевое укрепление.
61. Знаменитый бактериолог.
63. Группа специалистов, призывающих премии на конкурсах.
65. Учитель красноречия в древней Греции.
66. Птица.
68. Потомок от брака людей различных рас.
69. Благоухание.
70. Знаменитый французский актер.
71. Метель.
74. Искусственное русло.
76. Принадлежность птицы.
79. Русский литератор и общественный деятель XIX—XX веков.
81. Государство в Аравии.
84. Посыльное судно.
85. Французский писатель и публицист XIX века.
87. Строение.
88. Строительный материал.
89. Город в Китае.
90. Растение.
91. Наука.
92. Нетрудовой доход, получаемый с капитала или земли.
- По вертикали:
  1. Машина для забивания свай.
  2. Верша.
  3. Одежда римлян.
  4. Часть избы.
  5. Животное.
  6. Знаменитый французский драматург.
  8. Растение.
  10. Знаменитый балетмейстер XVIII—XIX веков.
  11. Город в Абиссинии.
  13. Город в СССР.
  14. Женщина, ухаживающая за детьми.
  19. Планета.
  20. Богиня у египтян.
  21. Воспаление уха.
  22. Гриб.
  23. Сторона света.
  24. Вещество, изменяющее скорость химической реакции.
  25. Защита от дождя.
  27. Мельчайшая частица материи.
  28. Неправильный член общества в Спарте.
  29. Судья у мусульман.
  30. Независимость.
  31. Полинезиец.
  36. Населенный пункт.
  38. Зап.
  40. Крепость на Черном море.
  42. Город.
  43. Животное.
  45. Река в СССР.
  47. Старое название реки Урала.
  48. Злак.
  49. Порода попугаев.
  53. Водный староста в Средней Азии.
  55. Продукт питания.
  57. Место заключения.
  59. Строительный материал.
  60. Город в Алжире.
  61. Рыба.
  62. Изба.
  64. Река в ДВК.
  66. Растительность на липе.
  67. Твердый жир в теле животных.
  70. Планета.
  73. Доказательство невиновности.
  75. Часть полости рта.
  77. Хищное животное.
  78. Направление.
  79. Покрывка для изоляции машин.
  80. Рыба.
  82. Болотный газ.
  83. Бумажная ткань.
  85. Часть света.
  86. Украшение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ

1. Бухта. 4. Бирюк. 7. Сплин. 12. Мозаика. 13. Айсберг. 14. Критика.
19. Олег. 20. Риппель. 21. Дефицит. 22. Янки. 26. Осаец. 27. Модификация.
30. Рутин. 33. Рами. 34. Хабаровск. 36. Уран. 39. Фиорд. 40. Гель. 41. Эму.
42. Юнга. 43. Рампа. 47. Ялик. 48. Мистика. 49. Бомелий. 50. Желе. 54. Свинт.
55. Тома. 56. Туф. 57. Мясо. 58. Раиса. 61. Воск. 62. Резонатор. 63. Кузма.
68. Прудон. 69. Спектроскоп. 72. Флюгер. 75. Хрен. 76. Магистр. 78. Афоризм.
80. Кеке. 84. Скептик. 85. Сюрприз. 86. Волопас. 87. Страх. 88. Отчет. 89. Запал.

ПО ВЕРТИКАЛИ

2. Усач. 3. Токсин. 4. Бейль. 5. Рябь. 6. Корде. 8. Персик. 9. Нота.
10. Поленов. 11. Скандий. 15. Холоп. 16. Село. 17. Киви. 18. Финал. 23. Декадр.
24. Фиброма. 25. Суматра. 28. Изба. 29. Арва. 31. Лингвистика. 32. Фуражировка.
34. «Холстомер». 35. Канделябр. 37. Позитив. 38. Змеевик. 39. Фалис. 44. Арена. 45. Акт. 46. Бот. 51. Утконос. 52. Турниры. 53. Крамола.
59. Гзак. 60. Утес. 64. «Эпоха». 65. Рулетка. 66. Аггегат. 67. Просо. 70. Плис. 71. Охра. 73. Калита. 74. Изжога. 77. Трюмо. 79. Флирт. 81. Шпат. 82. Спич. 83. Сода.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-39-01, Д 3-36-95.

Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова.

Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1 1/2 бум. листа. Изд. № 1257.

Тех. редактор А. Котельникова.

А 33866.

З п. л. Знаков в п. л. 105 000.

Сдано в набор 21/XI—40 г.

Подписано к печати 9/XII—40 г.

Заказ № 4121.

Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА
„БЮЛЛЕТЕНЬ ВЦСПС“**

на 1941 год

Выходит 1 раз в месяц.

В „Бюллетене ВЦСПС“ печатаются все постановления и решения правительства и ВЦСПС по вопросам заработной платы, социального страхования, организации и охраны труда, культуры и быта и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 6 р.
на 6 мес. — 3 р.
на 3 мес. — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ
отделениям „Союзпечати“
и почты.

**В КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ КОГИЗ'а
ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ
АЛЬБОМ
ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ
20 ЛЕТ КАЗАХСТАНА**

В альбоме 358 иллюстраций, всесторонне освещающих жизнь, культуру, быт, промышленность, сельское хозяйство, животноводство и т. п. современного СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА. На отдельных страницах в художественном оформлении даны портреты В. И. ЛЕНИНА и И. В. СТАЛИНА, народного поэта Абая Кунанбайева и народного акына Джамбула Джабаева и красочное изображение павильона Казахской ССР на ВСХВ.

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ (20 стр.). Образование и развитие Казахской ССР.

АЛЬБОМ ОТПЕЧАТАН НА ПЛОТНОЙ БУМАГЕ, ВСЕ СТРАНИЦЫ УКРАШЕНЫ ВИНЬЕТКАМИ.

ЦЕНА АЛЬБОМА в роскошном, с красочными виньетками переплете — 90 р.

ЗАКАЗЫ на высылку АЛЬБОМА почтой следует направлять в ближайшее ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОГИЗ'а — «КНИГА — ПОЧТОЙ».

Сообщения об отсутствии альбома в отделении КОГИЗ'а просим направлять: Москва, Куйбышевский проезд, 8, Главная оптовая контора «ЛИТИЗОКНИГА».

Театральную световую аппаратуру
Гримировальные принадлежности
Театральные билетные книжки
Музыкальные библиотечки
Музыкальные инструменты
Карнавальные изделия
Волосяные изделия
Желюфан

ВЫСЫЛАЮТ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ
ТЕАТРАЛЬНОГО РЕКВИЗИТА
ВСЕСОЮЗНОГО ДОМА НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА им. Н. К. КРУПСКОЙ
МОСКВА, Страстной бульвар,
д. № 13/а.

Подробные проспекты высылаются по первому требованию.

**ПО ВОПРОСАМ
ОБЪЯВЛЕНИЙ
В ЖУРНАЛ**

„ОГОНЕК“
ОБРАЩАТЬСЯ
в МОСКВЕ по тел. Д 3-30-12,
в ЛЕНИНГРАДЕ по тел. 1-92-45.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР

ГЛАВКОНСЕРВ

**ВОЗВРАЩАЙТЕ
СТЕКЛЯННЫЕ БАНКИ,
БУТЫЛКИ и БАЛЛОНЫ**

из-под КОНСЕРВОВ, МАРИНАДОВ, ВАРЕНЬЯ,
СОКОВ, СОУСОВ и ДР. ПРОДУКЦИИ
ЗАВОДОВ ГЛАВКОНСЕРВА

ПОСУДУ ПРИНИМАЮТ:

МАГАЗИНЫ и ЛАРЬКИ
ГЛАВКОНСЕРВА
и пр. сеть, торгующая
консервами.

ОПЛАТА ПО УСТАНОВЛЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЦЕНАМ
от 50 коп. до 6 руб. 60 коп.

Принимается посуда неповрежденная и чисто вымытая.

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ“
ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Крем «ЮНО»

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО“.

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при сухости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражение кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ

«ЛОСЬОН-ЮНО»

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми лучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.
МОСКВА, 133, Калужская застава, «МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ на 1941 год

НАИМЕНОВАНИЕ ЖУРНАЛА	Кол. № в год	ПОДПИСНАЯ ЦЕНА					
		на год		на 6 мес.		на 3 мес.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»	12	30	—	15	—	7	50
«КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО»	12	12	—	6	—	3	—
«ОПЫТНАЯ АГРОНОМИЯ»	12	18	—	9	—	4	50
«КОЛХОЗНАЯ ТОВАРНАЯ ФЕРМА»	12	6	—	3	—	1	50
«МТС»	12	12	—	6	—	3	—
«ЯРОВИЗАЦИЯ»	6	18	—	9	—	6 (на 2 м.)	—
«СОВЕТСКАЯ ЗООТЕХНИКА»	12	30	—	15	—	7	50
«ВЕТЕРИНАРИЯ»	12	21	—	10	50	5	25
«ХИМИЗАЦИЯ И УДОБРЕНИЯ»	12	30	—	15	—	7	50
«КОНЕВОДСТВО»	12	12	—	6	—	3	—
«ПЧЕЛОВОДСТВО»	12	12	—	6	—	3	—
«ВЕСТНИК С.-Х. ЛИТЕРАТУРЫ» ДОКЛАДЫ ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ С.-Х. НАУК им. В. И. ЛЕНИНА	12	36	—	18	—	9	—
	24	48	—	24	—	12	—

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЮДУ ПОЧТОЙ, «СОЮЗПЕЧАТЬЮ» и МАГАЗИНАМИ КОГИЗ.

ВНИМАНИЮ КОМСОМОЛЬЦЕВ, НЕСОЮЗНОЙ МОЛОДЕЖИ, МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1941 год на популярно-теоретический журнал ЦК ВЛКСМ „МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК“

Выходит 2 раза в месяц. ● 3-й год издания.

„МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК“ является популярно-теоретическим журналом по вопросам марксизма-ленинизма, рассчитанным на широкие массы комсомольцев и несоюзной молодежи, на молодую советскую интеллигенцию. „МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК“ помещает статьи и консультации по вопросам марксизма-ленинизма, теории и истории ВКП(б), истории СССР, международной политики и дает ответы и разъяснения по интересующим молодежь теоретическим и политическим вопросам. „МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК“ освещает практику пропагандистской и агитационной работы в комсомоле, опыт работы наших кадров над изучением марксистско-ленинской теории.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р., на 1 мес.—1 р.

Подписка принимается всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), а также письмоносцами, общественными уполномоченными по печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотдельских газет на транспорте. Издательство «ПРАВДА».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1941 год НА ЖУРНАЛ

„БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ“

Издание ЦК ВКП(б)

Выходит 2 раза в месяц

В журнале печатаются статьи по всем отраслям работы большевистской печати, обобщается передовой опыт газет, журналов, издательств и т. д. Журнал систематически печатает статьи и консультации по истории большевистской печати.

Для повышения квалификации газетных и издательских работников в журнале введен отдел „Учеба и опыт“ (консультации по различным вопросам газетной техники: опыт работы отдельных газет, отделов, газетных работников).

Журнал „БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ“ рассчитан на всех газетных работников (центральных, республиканских, областных, районных и много-тиражных газет), работников издательств, полиграфистов и бумажников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 м.—42 р., на 6 м.—21 р., на 3 м.—10 р. 50 к., на 1 м.—3 р. 50 к.

Подписка принимается всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), а также письмоносцами, общественными уполномоченными по печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотдельских газет на транспорте. Издательство «ПРАВДА».

НАРКОМЧЕРМЕТ СССР
ГЛАВВТОРЧЕРМЕТ

Производит Заготовки лома черных металлов

ЛОМ ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ НУЖЕН
ЗАВОДАМ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

**ЧЕМ БОЛЬШЕ СОБЕРЕМ и СДАДИМ ЛОМА, ТЕМ БОЛЬШЕ
ДАДИМ СТРАНЕ НОВЫХ МАШИН, СТАНКОВ, ТРАКТОРОВ,
КОМБАЙНОВ, ПАРОВОЗОВ, ВАГОНОВ, ТЕМ СИЛЬНЕЕ
УКРЕПИМ ОБОРОНУ НАШЕЙ СТРАНЫ.**

НА ЗАВОДАХ, ФАБРИКАХ, СТРОЙКАХ, В СОВХОЗАХ, КОЛХОЗАХ, МТС, МТМ ГОДАМИ ЛЕЖАТ ПРИШЕДШИЕ В НЕГОДНОСТЬ:

СТАНИНЫ
МАХОВИКИ
ШЕСТЕРНИ
РЕЛЬСЫ
БАЛКИ

Части: ТРАКТОРОВ
СЕЯЛОК
ВЕЯЛОК
БОРОН

ЛЕМЕХИ
ГРАБЛИ
ВИЛЫ
ПОДКОВЫ
ТОПОРЫ
УХВАТЫ и др.

ГРАЖДАНЕ, СОБИРАЙТЕ В СВОИХ МАСТЕРСКИХ, ДВОРАХ, СКЛАДАХ, САРАЯХ ЛОМ И СДАВАЙТЕ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ГЛАВВТОРЧЕРМЕТА И ЕГО КОНТРАГЕНТАМ (ЦЕНТРОУТИЛЬ, СОЮЗУТИЛЬ, ПРОМКООПЕРАЦИЯ), ЦЕНЫ ЗА ЛОМ ПО ПРЕЙСКУРАНТУ ГЛАВВТОРЧЕРМЕТА.

Стоимость вывозки лома на базы ГЛАВВТОРЧЕРМЕТА оплачивается отдельно.

148
НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
Д. 8, КВ. 51
БАРАНОВУ В. В.
17 1.12 ОГОНЕК

